

Подъ редакціей Л. Г. Мунштейна (Lolo).

РАМПА

№ 9

и ЖИЗНЬ

1910

Ф. И. Шаляпинъ въ роли Донъ-Кихота
въ оперѣ Массенэ.

МОСКВА

Воскресенье 28-го февраля 1910 г.

Цѣна отд. № 15 коп.

ОПЕРА С. И. ЗИМИНА ОПЕРА

(театръ Солодовникова).

Въ субботу 27-го февраля утромъ

ГУГЕНОТЫ.

вечеромъ

ЗОЛОТОЙ ПЪТУШОКЪ.

Въ воскресенье 28-го февраля утромъ

ДЕМОНЪ.

вечеромъ

МАЙСКАЯ НОЧЬ.

Открыть абонементъ на 4 гастролы знаменитаго итальянскаго тенора **ДЖУЗЕППЕ ЯНСЕЛЬМИ**. При участіи въ трехъ гастроляхъ извѣстной артистки **Вѣры Владиміровны ЛЮЦЕ**.

Во вторникъ 9-го марта **ВЕРТЕРЪ**.
Въ четвергъ 11-го марта **РОМЕО** и **ДЖУЛЬЕТА**.
Въ субботу 13-го марта **МАНОНЪ**.
Въ понедѣльникъ 15-го марта **РИГОЛЕТТО**.

Въ понедѣльникъ 8-го марта съ участіемъ В. В. Люце „Травиата“. Въ среду 10-го марта бенефисъ В. П. Дамаева „Мазепа“. Въ пятницу 12-го марта бенефисъ Н. И. Сперанскаго „Мазепа“. 14-го утромъ „Золотой пѣтушокъ“, вечеромъ „Заза“. 16-го марта бенеф. капельмейстера А. М. Пазовскаго „Мазепа“.

Начало спект. въ 8 ч. веч. Билеты прод. съ 10 ч. утра до оконч. спект.

Дирекція **С. И. Зимина**.

ТЕАТРЪ

„ЭРМИТАЖЪ“

ДИРЕКЦІЯ

М. М. Брянской и Я. В. Шукина.

ОПЕРЕТТА

подъ управ. А. А. Брянскаго.

Въ субботу 27-го февраля

„ГРАФЪ ЛЮКСЕМБУРГЪ“ и „Цыганскія пѣсни“.

Въ воскресенье 28-го февраля

„КАРЛСБАДСКАЯ ФЕЯ“ и ДИВЕРТИСМЕНТЪ.

Билеты на всѣ объявленные спектакли продаются.
Касса откр. съ 11 ч. ут. до окончанія спектакля.

Готовится къ печати
„НА ПОЛЮСЪ“.

Сатира-обозрѣніе въ 4-хъ д.
Г. Редера и Л. Московскаго.

АВТО-МУЗЫКА

— **А. БЕРГМАНЪ**. —

МОСКВА, Мясницкая, д. Сытова. Телеф. 49-06.

Музыкально-механическіе аппараты, ПИАНИНО И РОЯЛИ. ■ НОТЫ для всѣхъ механическихъ аппаратовъ: ФОНОЛЫ, ПИАНОЛЫ и друг. ■ ГОТОВЫЯ И НА ЗАКАЗЪ. —

— АППАРАТЫ для домашняго приготвленія нотъ. —

Принимаются пианино для устройства въ нихъ механическихъ аппаратовъ.

Главное представительство новыхъ механическихъ пианино „VIRTUOS“.

Нѣсколько словъ по поводу литературной конвенціи.— Актеръ и предразсудокъ. *Л. Гальбе*.— Печной горшокъ или Апполонъ Бельведерскій? *В. Тихоновича*.— Москва.— Письма въ редакцію.— Юбилей М. Г. Савиной.— Петербургъ.— Мелочи театральнаго жизни.— За рубежомъ.— Новая оцѣнка Шекспира. *С. Бердяева*.— Парижскія письма. *В. Бинштока*.— Казанскія письма. *Л. Левицова*.— Провинція.

РИСУНКИ и СНИМКИ: М. Г. Савина въ „Ивановѣ“ А. П. Чехова.— „Донъ-Кихотъ“ на сценѣ театра въ Монте-Карло.— М. Г. Савина въ „На всякаго мудреца довольно простоты“.— А. Чаргонинъ въ „Побѣдѣ Смерти“.— К. В. Бравичъ— Фигаро. Шаржъ *Малютина*.— Ф. П. Горевъ. Шаржъ *Эльскаго*.— И. М. Москвинъ, Л. В. Собиновъ и П. С. Оленинъ въ кривомъ зеркалѣ.— Петербургъ. Малый театръ. Рис. *Мельникова*.— А. П. Петровскій въ „Ивановѣ“.— Господинъ сезонъ. Рис. *Andre'a*.— Анатэма „Гуляетъ по свѣту“. 3 рис. *Andre'a*.— Г-жа Чарова.

ПОСТОЯННЫМИ СОТРУДНИКАМИ „РАМПЫ И ЖИЗНИ“ СОСТОЯТЬ: А. Ардовъ, Т. Ардовъ, Н. М. Архангельскій, В. Базилевскій, Н. Басъ, И. А. Бунинъ, Н. Н. Вашкевичъ, Н. Высотскій, Л. И. Гальберштадтъ, В. Н. Гартевельдъ, Э. Гольденвейзеръ, А. С. Грузинскій, Ю. Денике, Н. Г. Еремѣевъ, В. Е. Ермиловъ, Евт. П. Карповъ, Г. И. Колышко, А. И. Косоротовъ, С. А. Кречетовъ, В. Ф. Лебедевъ, Б. Ф. Лебедевъ (Лондонъ), А. Н. Лепковская, М. Ф. Лнкардопуло, Лою, Лознгринъ, Як. Львовъ, Г. С. Макриди, С. С. Мамонтовъ (Матовъ), Э. Э. Маттернъ, Г. А. Матусевичъ, Вл. И. Немировичъ-Данченко, А. М. Пазухинъ, И. С. Платонъ, С. Ф. Плевако, А. А. Плещеевъ, И. И. Поповъ, Ник. Ал. Поповъ, В. В. Протопоповъ, С. Д. Разумовскій, Ю. Л. Ракитинъ, Д. Ратгаузъ, П. А. Сергѣенко, А. А. Смирновъ, Н. Соловьевъ, А. А. Стаховичъ, Л. А. Суллержичскій, кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), Н. Д. Телешовъ, Л. Д. Теплицкій, Н. И. Тимковскій, Н. Урванцовъ, В. Хавкинъ, Н. Г. Шкляръ, И. Ф. Шмидтъ (Рудинъ), Н. Е. Эфросъ, Сергѣй Яблоновскій, Д. Д. Языковъ; художники: В. П. Дриттенпрейсъ, Н. П. Крымовъ, Н. Сапуновъ, С. Ю. Судейкинъ, Г. Б. Якуловъ, *Andre*, И. Малютинъ, Д. Мельниковъ, Г. Рабиновичъ и друг.

Нѣсколько словъ по поводу литературной конвенціи.

Вопросъ о заключеніи литературной конвенціи межъ Россіей и Германіей—вопросъ рѣшенный, и введеніе этой конвенціи должно состояться въ самомъ недалекомъ будущемъ.

Можно быть различнаго мнѣнія о томъ, желательна или нежелательна литературная конвенція для Россіи,—по этому поводу писалось много и за и противъ,—но разъ введеніе конвенціи вопросъ уже рѣшенный, насъ не можетъ не интересовать, какія ближайшія послѣдствія этой конвенціи ждуть насъ и какъ осуществится на практикѣ этотъ вопросъ. Надо полагать, что у насъ, въ Россіи, появятся агентуры и отдѣльные агенты, которые поспѣшатъ войти въ соглашеніе съ представителями иностранныхъ авторовъ и закрѣпятъ за собой право собственности на переводъ ихъ произведеній на русскій языкъ, а также вступятъ въ договорныя отношенія съ иностранными издательскими фирмами по вопросу о переводѣ на иностранные языки произведеній русскихъ авторовъ. При переводахъ драматическихъ произведеній—иностранныхъ пьесъ на русскій языкъ и русскихъ на иностранный возникнетъ, конечно, и вопросъ объ огражденіи интересовъ авторовъ при представленіи переведенныхъ пьесъ въ Россіи и Германіи. Всѣ эти вопросы возникнутъ непосредственно съ вступленіемъ въ законную силу будущей конвенціи и поэтому должны насъ интересовать уже теперь, накануне введенія ея. Вотъ, почему, узнавъ, что одинъ изъ старѣйшихъ членовъ общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ, Э. Э. Матернъ, подалъ въ комитетъ общества заявленіе по поводу вступленія Россіи въ международную конвенцію съ Германіей, мы попросили его познакомить насъ съ содержаниемъ этого заявленія, которое и печатаемъ ниже.

Нельзя не согласиться съ основной мыслью автора заявленія, что комитету названнаго общества слѣдуетъ обсудить вопросъ о введеніи литературной конвенціи

въ томъ смыслѣ, не слѣдуетъ ли обществу принять на себя представительство своихъ членовъ передъ иностранными обществами драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ въ отношеніи вступленій членовъ въ договоры при переводѣ драматическихъ произведеній и представленіи ихъ на сценахъ.

Авторъ заявленія самъ, находя, что вопросъ, котораго онъ касается, вопросъ очень сложный и связанный съ измѣненіемъ устава общества, вопросъ, требующій всесторонняго обсужденія, тутъ же оговаривается, что вопросъ этотъ можетъ быть рѣшеннымъ такъ или иначе.

Мы вполне согласны съ тѣмъ, что вопросъ этотъ сложный, но считаемъ тѣмъ не менѣе весьма целесообразнымъ и своевременнымъ поднятіе его Э. Э. Матерномъ.

Разработка комитетомъ въ принципѣ этого вопроса можетъ, несомнѣнно, выяснить, будетъ ли целесообразнымъ со стороны общества взять на себя представительство въ защитѣ взаимныхъ интересовъ и правоотношеній переводчиковъ и авторовъ при введеніи конвенціи, и если даже комитетъ придетъ къ отрицательному заключенію, онъ въ интересахъ членовъ своего общества можетъ указать путь, какъ урегулировать предстоящія договорныя отношенія при переводахъ и представленіяхъ драматическихъ произведеній и въ этомъ отношеніи подготовить разрѣшеніе тѣхъ вопросовъ, съ которыми неминуемо столкнутся переводчики пьесъ и оперъ при введеніи конвенціи въ Россіи. Посильная помощь со стороны комитета общества драматическихъ писателей своимъ членамъ въ данномъ вопросѣ была бы безусловно желательна, а потому надо думать, что заявленіе Э. Э. Матерна не будетъ безрезультатнымъ.

Съ своей стороны мы находимъ весьма желательнымъ, чтобы и другіе члены общества коснулись даннаго вопроса и съ своей стороны высказались о немъ: при такихъ условіяхъ и комитету общества будетъ облегчена задача, изложенная въ заявленіи Э. Э. Матерна, если комитетъ пожелаетъ ею заняться, да и вообще вопросъ о будущемъ положеніи и правоотношеніяхъ переводчиковъ получить болѣе разностороннее освѣщеніе.

М. Г. Савина въ роли Сарры въ „Ивановъ“
А. П. Чехова.

Приводимъ текстъ вышеупомянутого интереснаго заявленія:

Въ Комитетъ Общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ.

Между Россіей и Германіей въ скоромъ времени должн о состояться заключеніе литературной конвенціи. Нѣтъ сомнѣній, что къ этой международной конвенціи пожелаютъ присоединиться и прочія государства.

Введеніе международной литературной конвенціи между Россіей и иностраннымъ государствомъ въ корень измѣняетъ вопросъ о переводахъ драматическихъ произведеній, а потому вопросъ этотъ въ самомъ недалекомъ будущемъ очень близко затронетъ интересы лицъ, занимающихся переводомъ иностранныхъ драматическихъ произведеній на русскій языкъ, а такъ какъ огромное число этихъ лицъ состоятъ членами нашего общества, то давній вопросъ ве можетъ не касаться и самого общества.

Какъ извѣстно, иностранныя общества драматическихъ писателей и композиторовъ не разъ дѣлали попытки войти въ переговоры и сношенія съ Россіей по вопросу о переводахъ на русскій языкъ драматическихъ произведеній, по отсутствіи конвенціи лишало такіе переговоры всякой юридической почвы; теперь при заключеніи конвенціи обстоятельства измѣнятся.

Вотъ, почему, мнѣ думается, что нашему обществу, старѣйшему въ Россіи по огражденію матеріальныхъ правъ драматическихъ авторовъ, композиторовъ и переводчиковъ въ Россіи, надлежитъ теперь же, до введенія конвенціи, заняться обсужденіемъ положенія общества и его дѣятельности при введеніи послѣдней между Россіей и другими государствами, дабы ова не застава общество неподготовленнымъ къ новому международному закову.

Мнѣ думается, что нашему обществу, при присоединеніи Россіи къ литературной конвенціи, во избѣжаніе учрежденія въ Россіи какихъ-либо частныхъ агентуръ по сношенію съ иностранными обществами драматическихъ писателей или частныхъ агентами иностранныхъ авторовъ, надлежало бы расширить свою дѣятельность и, вступивъ въ примыкающія, непосредственныя сношенія съ иностранными обществами драматическихъ писателей и композиторовъ, принять на себя представительство интересовъ своихъ членовъ въ вопросѣ переводовъ драматическихъ и оперныхъ произведеній, какъ съ иностранныхъ языковъ на русскій, такъ и съ рускаго на иностранныя.

Вопросъ, котораго я касаюсь, очень сложный и несомнѣнно связанный съ измѣненіемъ устава общества и расширеніемъ его дѣятельности, вопросъ, требующій всесторонняго обсужденія, прежде чѣмъ быть рѣшеннымъ въ ту или другую сторону, но во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ, по моему, надлежало бы Комитету общества, въ принципѣ, обсудить теперь же, до присоединенія Россіи къ международной конвенціи.

На основаши сего позволяю себѣ обратиться къ Комитету съ покорнѣйшей просьбою рассмотреть въ одно изъ своихъ засѣданій вышеизложенныя мои строки и, если Комитетъ найдетъ мое заявленіе заслуживающимъ уваженія, то разработать затронутый мною въ немъ вопросъ для внесенія его на разсмотрѣніе общаго собранія членовъ общества.

Членъ общества Э. Матернѣ.

Актеръ и предразсудокъ.

Формализмъ и бумажная точность, за неимѣніемъ другихъ, господствуютъ на Руси издавна и прочно. Сотни тысячъ правилъ, постоянныхъ и временныхъ, сотни тысячъ верстъ исписанной канцелярской бумаги — замѣняютъ правосознаніе и настоящее дѣло. Къ этому привыкли, почти не замѣчаютъ этого, какъ перестаютъ слышать дурной запахъ послѣ долгаго пребыванія въ испорченномъ воздухѣ. Но иногда формализмъ бьетъ по больному мѣсту, бумажный листъ задѣваетъ открытую рану. Тогда и привычные люди встряхиваются, негодуютъ и возмущенно спрашиваютъ: да что же это, въ какомъ вѣкѣ мы живемъ?

Въ Саратовѣ епархіальная власть не сочла возможнымъ допустить служеніе панихиды по Вѣрѣ Федоровнѣ Коммиссаржевской, не сочла возможность позволить вѣрующимъ помолиться по церковному обряду объ упокоеніи той, кто была гордостью родной страны, одной изъ лучшихъ и свѣтлѣйшихъ дочерей русскаго народа, кто служила родному искусству самоотверженно, беззавѣтно. Епархіальная власть считала необходимымъ представленіе какихъ-то свидѣтельствъ, удостовереній... И въ то время, какъ по всей странѣ вѣрующіе шли въ храмы, чтобы почтить дорогую усопшую, выразить скорбь свою такъ, какъ повелѣваетъ вѣрующему церковь, въ Саратовѣ между ними и храмомъ всталъ епископъ Гермогенъ, потребовалъ бумагу за подписью и за печатью и, не получивъ ея, не пустилъ ихъ въ храмъ.

Такова видимость этого печальнаго дѣла. Внутри оно выглядитъ иначе. Бумага, конечно, предлогъ. Вѣдь знаетъ же іерархъ православной церкви, что и каноны и традиціи ея не препятствуютъ, а, напротивъ, повелительно требуютъ именно обратнаго тому, что совершено въ Саратовѣ. Здѣсь иное. Здѣсь старое презрѣніе, старая нетерпимость къ „актеру“, здѣсь то же чувство, которое сотни лѣтъ тому назадъ отказало въ христіанскомъ погребеніи другой великой артистѣ, Адриеннѣ Лекуврерѣ. Именно это, ничто другое. То же древнее предубѣжденіе, которое такъ ярко отразилось въ нашемъ архаическомъ законодательствѣ о „зрѣлищахъ“, которое знаетъ лишь дискреціонную власть администраціи надъ дѣятельностью „фокусниковъ, штукмейстеровъ и другихъ“, хотя бы этотъ другой или другая были гордостью не только своего, но и міроваго искусства.

Можетъ быть, не стоило бы говорить о саратовскомъ дѣлѣ, если бы оно такъ рѣзко, такъ оскорбительно не напомнило бы всѣмъ, объединившимся въ скорби по угаснувшему большому и хорошему человеку, что нашъ вѣкъ еще не двадцатый, что Вѣра Федоровна была случайной свѣтлой звѣздочкой въ мрачной темной ночи. Кругомъ темно. И звѣздъ такъ мало. Но тѣмъ они намъ и дороже. И тѣмъ горячѣе и любовь наша и скорбь.

Хочетъ ли или не, хочетъ саратовская епархіальная власть — и въ храмахъ и внѣ храмовъ Россія сказала своей ушедшей дорогой дочери: „Вѣчная память“.

Л. Гальбе.

Печкой горшокъ или Аполлохъ Бельведерскій?

Въ послѣднее время опять всплылъ старый вопросъ о „чистомъ“ и „полезномъ“ искусствѣ. Г. Скородумовъ, пропагандируя свою почтенную и прекрасную мысль о крестьянскомъ театрѣ, подчеркиваетъ на страницахъ „Театра и искусства“ желательность для такой сцены пьесъ, посвященныхъ выясненію положительныхъ сторонъ кооперации и отрицательныхъ — алкоголизма. Г. Галичъ, иронизируя по адресу защитниковъ „самодовлѣющей красоты“, провозглашаетъ великимъ художникомъ нѣкоего Шприца, который умѣлъ великолѣпно кричать по-утиному. Наконецъ, на дняхъ въ нашемъ Литературно-Художественномъ кружкѣ г. Аничковъ весьма смѣло утверждалъ, что эстетика въ настоящій моментъ является наукой не о красотѣ, а... о производствѣ. Походъ противъ „чистаго“ искусства сильный, съ разныхъ сторонъ, съ разнымъ оружіемъ въ рукахъ; привлечены и социальныя иде-

алы, и философскіе аргументы, и экономическіе факторы. Разобраться въ этомъ стоитъ.

Г. Аничковъ доказываетъ, что въ переживаемый нами періодъ экономическаго развитія промышленность и искусство тѣсно сплетаются, но, если взвѣсить всѣ приведенныя имъ соображенія, то увидимъ лишь одинъ фактъ: *въ индустрію проникаетъ художественная тенденція*, и фабрики расцѣниваются не только съ точки дешевизны и добротности, но и по красотѣ; *обратнаго* факта ему установить не удалось, ибо ни литература, ни музыка, ни живопись не даютъ данныхъ для этого вывода, а зодчество стоитъ на самой границѣ между искусствомъ и промышленностью, и поэтому опираться въ данномъ вопросѣ на него совершенно невозможно. Что же касается доказаннаго имъ факта, то объ этомъ давно и краснорѣчиво сказала Гюйо въ своихъ „задачахъ современной эстетики“, гдѣ дѣйствительно установленъ гораздо болѣе общій и крупный фактъ, именно, что „красота“ есть и въ промышленныхъ орудіяхъ, и издѣліяхъ, и въ философскихъ системахъ, и въ научныхъ законахъ, и въ физиологическихъ воспріятіяхъ, и въ движеніи рабочаго человѣка, такъ, что эстетика должна почерпнуть матеріалъ для своихъ выводовъ не въ однихъ искусствѣ или природѣ и даже не только въ производствѣ, а въ всей безконечной жизни человѣка и природы.

Такимъ образомъ, прекрасное начинаетъ захватывать область полезнаго, а не наоборотъ. И, слава Богу.

Перехожу къ г. Скородумову. Боюсь, что, давая лѣвой рукой народу пятакъ, онъ правой отнимаетъ у него, по крайней мѣрѣ, три копейки. Зачѣмъ одновременно пробуждать работу мысли и чувства и губить художественный вкусъ? Вѣдь самъ сторонникъ „печного горшка“ констатируетъ печальный фактъ успеха его, по собственному признанію, на рѣдкость бездарной пьесы, только потому что она была посвящена кооперативному вопросу. Право, для этого имѣются, во-первыхъ, народныя чтенія со свѣтовыми картинами, изображающими „соответственно“ либо ужасную печенку и прочія внутренности жертвъ „зеленаго Змія“, либо всяческія діаграммы и жанровыя сцены изъ практики кооператоровъ, и во-вторыхъ, социальныя язвы и блага находятъ художественную оцѣнку въ произведеніяхъ „чистаго“ искусства: возьмите въ видѣ примѣра „Не такъ живи какъ хочется“ Островскаго (вопросъ объ вредѣ пьянства) или „Враговъ“ Горькаго (вопросъ о пользѣ солидарности). Во одномъ правъ г. Скородумовъ: мало пьесъ изъ жизни деревни, крестьянской деревни, но тутъ не закажешь и не прикажешь! А создавать для народа духовнымъ, „буфетъ III класса“ только вредно; лучше не кор-

„Донъ-Кихотъ“ Массенэ на сценѣ опернаго театра въ Монте-Карло.

Появленіе Донъ-Кихота (Ф. И. Шаляпинъ) и Санчо-Пансо.

мать ничѣмъ, чѣмъ давать мякину „на рѣдкость бездарныхъ“ произведеній.

Остается пресловутый Шприцъ г. Галича. Если прекрасное можно найти во всѣхъ разнообразныхъ уголкахъ жизни, то критерій умственной и нравственной цѣнности также не ограничивается—первый областью науки и философіи, и второй взаимными отношеніями людей. Произведеніе искусства можетъ въ первомъ отношеніи, какъ и во второмъ, пройти огромную лѣстницу со множествомъ ступенекъ, и конечно, художественная красота не всегда совпадаетъ съ моральной и идейной цѣнностью. „Королева Ортруда“ Сологуба, можетъ быть, и красиво написана, но, по справедливому замѣчанію критика Невѣдомскаго, въ этомъ произведеніи... нѣтъ ничего. Произведеніе всякаго искусства тѣмъ прекраснѣе, чѣмъ больше гармонія между формой и содержаниемъ, но жизненная его цѣнность тѣмъ выше, чѣмъ выше его содержание.

Итакъ, пусть печной горшокъ будетъ продуктомъ творческаго вдохновенія, подобно статуѣ Аполлона Бельведерскаго, но пусть этотъ послѣдній станетъ такъ же, если не больше, необходимъ, чѣмъ первый. А „утиное творчество“ оставимъ, ибо безъ идеи или эмоціи нѣтъ искусства.

В. Тихоновичъ.

Изъ моего архива.

М. Г. Савиной *).

*Я приду къ тебѣ съ цвѣтами,
Звонкихъ струнъ коснусь перстами,
Стану славу пѣть!*

*Геній твой въ часы наитій
Намъ соткала изъ чудныхъ нитей
Золотую сѣть.*

*Дымкой грезы насъ окуталъ,
Роемъ дивныхъ чаръ опуталъ
И держалъ въ плъну...*

*Но родная наша сцена
Годы сладостнаго плъна
Вспомнить какъ весну...*

*Вспомнить яркія мгновенья,
Вспомнить перлы вдохновенья —
Даръ минувшихъ лѣтъ.*

*И во храмъ Мельпомены
Задрожать отъ кликовъ стѣны:
Слава солнцу русской сцены
И безсмертный свѣтъ!*

*) Стихотвореніе это написано къ 25-лѣтнему юбилею М. Г. Савиной, 10 лѣтъ тому назадъ.

М. Г. Савина

въ „На всякаго мудреца довольно простоты“. (1909 г.)

Москва.

Возвратился изъ Петербурга Л. В. Собиновъ. Контрактъ съ дирекціей Императорскихъ театровъ имъ подписанъ на пять лѣтъ на значительно повышенныхъ условіяхъ. Въ будущемъ сезонѣ г. Собиновымъ выговорена постановка „Богемы“ и „Маволи“ въ Москвѣ и „Фаворитки“ Довицетти въ Петербургѣ.

— Теворъ г. Бонавичъ заявилъ дирекціи условія, на которыхъ онъ согласенъ возобновить контрактъ. На будущій сезонъ онъ проситъ 18,000 р. въ годъ; кромѣ того, среди сезона мѣсячвы! отпускъ для гастролей въ провинціи.

— А. В. Нежданова получила недавно телеграфно предложеніе выступить въ Монте-Карло въ партіи Виолетты („Травиата“). Артистка, занятая все время по репертуару въ Большомъ театрѣ, должна была отказаться.

— Адамъ Ддуръ, провалившійся въ „Мефистофелѣ“, рѣшилъ реабилитировать себя передъ Москвою. Въ октябрѣ состоятся пять его гастролей, при чемъ г. Ддуръ выступитъ въ „Русалкѣ“, „Борисѣ Годуновѣ“ и „Довѣ-Кихотѣ“ Массне.

— С. П. Дягилевъ прислалъ своему московскому уполномоченному телеграмму съ просьбой передать всѣмъ приглашеннымъ имъ артистамъ, что заграничныя гастроли—вопросъ рѣшевный и чтобы они, поэтому, не смущались слухами о томъ, что поѣздка не состоится.

— Послѣдняя премьера Художественнаго театра „На всякаго мудреца довольно простоты“, которая была намѣчена на поведѣльникъ 8 марта, — состоится въ среду 10 марта. Публичная генеральная репетиція пьесы — днемъ 6 марта.

— На „лапустникѣ“ въ Художественномъ театрѣ устраивается лотерея, въ числѣ выигрышей которой будутъ, между прочимъ, абонементы на будущій сезонъ въ Художественный театръ, въ Большой и на гастроли Ансельми. Въ концертномъ отдѣленіи выступятъ Собиновъ и Олевинъ. Послѣдній исполнитъ въ гримѣ и съ декорациями „Семинариста“ Мусоргскаго.

— Въ театрѣ Незлобина постомъ для новой постановки пойдетъ или комедія Лопе-де-Вега „Сѣти Фенкса“, или оригинальная пьеса Курлова — „Фанатикъ“.

На будущій сезонъ намѣчены 10 новинокъ. Въ числѣ ихъ: „Герцогиня Падуанская“ Уайльда и „Орленокъ“ Ростова. Включены „Эросъ и Психей“ съ нѣкоторыми измѣненіями въ постановкѣ и „Мелкій бѣсъ“. Возобновленіе „Ауфисы“ не намѣчается.

— Въ числѣ новинокъ въ великопостномъ сезонѣ товарищество артистовъ театра Корша намѣтило къ постановкѣ пьесу Протопопова: „Звѣзда нравственности“.

Solo.

В репертуаръ театра Корша и кievскаго театра Кручинина включена недавно вышедшая изъ цензуры пьеса „Проснулся я, внимайте“, въ 4 д. Ю. Аль-Рашида.

Игравшая въ теченіе зимняго сезона въ Кіевѣ артистка Л. Д. Рындина принята въ труппу Незлобина. Службу она начинаетъ съ поста, когда будетъ играть въ Петербургѣ въ „Мелкомъ обѣсѣ“ роль Дарьи.

— Дирекціей оперы Заминна возобновленъ контрактъ съ В. Н. Трубинымъ. Кроме того, принять въ труппу молодой баритонъ Хохловъ, ученикъ Лабовскаго.

— Окончательно вырѣшился вопросъ относительно гастролей М. Гай въ Москвѣ.

Ея гастроли состоятся въ театрѣ „Эрмитажъ“ 8 и 10 марта; оба раза она выступитъ въ оперѣ „Карменъ“. Выступить М. Гай съ тѣмъ же французскимъ ансамблемъ, съ которымъ ѣдетъ въ Петербургъ.

— Гастроли О. В. Гзовской въ зимнемъ „Буффѣ“ въ Петербургѣ начнутся съ 28 апрѣля и продолжатся до конца мая.

— Г. Горинъ-Горяиновъ организуетъ опереточно-драматическую труппу для спектаклей на кавказскихъ минеральныхъ водахъ. Въ нее вошли: Жихарева, Виндингъ, Давыдовскій, Максимовъ и др. Гастролерами приглашены г-жа Гзовская, Грановская, Яворская, Плевницкая и Каринская. Кроме того, состоятся гастроли „Кривого зеркала“ и опереточной труппы Новикова съ г-жею Потопчиною во главѣ.

— Театральное бюро въ субботу 27-го и воскресенье 28 февраля будетъ закрыто. Съ понедѣльника бюро перебирается на постъ въ новое помѣщеніе (Театральный проездъ, д. Худовыхъ).

— Въ субботу 27-го февраля артистомъ В. И. Качаловымъ устраивается вечеръ въ пользу союза сценическихъ дѣятелей. Въ концертномъ отдѣленіи принимаютъ участіе г-жа: Балабавова, Книпперъ, Мачтетъ, Ртицева, Томская, Цветкова; гг.: Адашовъ, Аверинно, Качаловъ, Лужскій, Москвинъ, Максимовъ, Оленинъ, Секарь-Рожанскій, Улухановъ. Художниками Н. Н. Андреевымъ и В. К. Татищевымъ будутъ поставлены живые барельефы. Съ 12 ч. будетъ кабарэ „Среди Игрушекъ“, въ которомъ примутъ участіе г-жи: Бурковская, Варламова, Грановская, Плевницкая, Шувалова; гг.: Борисовъ, Валіевъ, Блюменталь-Тамаринъ, Волосовъ, Монаховъ и др. Будетъ поставлена злободневная импровизація въ лицахъ Серг. Матова „Vive la France“. Вечеръ будетъ выдержанъ въ „игрушечномъ“ стилѣ. Декоративную сторону приняла на себя художница гг. Араповъ, Веригтрамъ и Якуловъ. Хореографической частью заведуетъ В. И. Кузнецовъ. Вечеръ несомнѣнно будетъ выдающимся по художественности и оригинальности.

— 21-го февраля въ Городскомъ Работномъ Домѣ съ большимъ успѣхомъ прошелъ бенефисъ С. И. Климова, выступившаго въ роли Гарпагона въ „Скупомъ“ Мольера. Въ воскресенье 28-го идетъ „Сатана“ съ Н. Р. Пельцеромъ въ роли Сатаны.

Концертъ И. Матковскаго. 22-го февраля въ залѣ Синадальскаго училища состоялся концертъ пианиста И. Матковскаго при участіи г-жи Козмовской-Яковлевой (копталто), Крейнина (скрипка) и Ефовскаго (виолончель). Программа вечера носила преимущественно классическій характеръ. Вполнѣ заслуженный успѣхъ выпалъ на долю устроителя концерта, показавшаго себя въ исполненіи классиковъ серьезнымъ и интеллигентнымъ музыкантомъ.

Тріо (муз. Рабста) рояль—Матковскій, скрипка—Крейнинъ, виолончель—Ефовскій было исполнено съ большимъ вкусомъ.

Г-жа Козмовская-Яковлева, еще ученица консерваторіи по кл. профессора Зарудной, музыкально исполняла „Смирились передъ творцомъ“ Мендельсона и „Индусскую пѣсню“ Вебера.

У молодой пѣвицы, несмотря на красивую внѣшность, хорошій голосъ съ рѣдкими низами, чувствовалась въ некоторой неопытность какъ въ пѣніи, такъ и въ умѣнн держаться на эстрадѣ.

Публика принимала способиу пѣвицу очень тепло, заставляя многократно биссправать.

Пѣла В. ф. Коммиссаржевской въ Москвѣ.

Траурный поѣздъ опоздалъ на 1 часъ.

Въ концѣ вокзальной платформы Рязанскаго вокзала собрались московскій губернаторъ В. О. Джунковскій, родственники и друзья покойной, среди которыхъ бр. Гучковы, артистъ Малаго театра К. В. Бравичъ, артистка Рощанинцарова и др.

Театръ Незлобина. „Побѣда смерти“.

Король Хлодовегъ—А. А. Чаргонинъ.

Рис. В. Татищева.

Поѣздъ подошелъ въ концѣ 7 часа, уже сильно стемнѣло, и черный траурный вагонъ производилъ впечатлѣніе жуткое. Медленно, вѣзжа откатились черныя двери. Тогда обнажила головы. Гдѣ-то запѣлъ, невпидимый въ темятъ, хоръ, и выступившее впередъ въ бѣлыхъ ризахъ духовенство начало литію.

Послѣ литіи былъ вынесенъ изъ вагона студентами и друзьями покойной бѣлый металлическій гробъ.

Съ рязанскаго вокзала гробъ былъ перенесенъ на рукахъ на платформу Николаевской ж. д.

Отъ одного вокзала до другого студенты и курсистки устроили живую цѣпь, и благодаря этому не былъ нарушенъ порядокъ перенесенія тѣла.

Процессія двпгалась среди темноты ночи съ пѣніемъ „Святый Боже“, пѣлъ хоръ студентовъ.

На Николаевскомъ вокзалѣ впереди стояли представители московскихъ театровъ Малаго, Художественнаго, театра Незлобина, Корша, Щукина, Сабурова и др. Затѣмъ шли депутаціи отъ московскаго театрального бюро, московскихъ газетъ и журналовъ, московскаго студенчества и землячества.

Медленно двигаясь среди толпы, бѣлый гробъ приблизился къ вагону. Хоръ студентовъ и курсистокъ поетъ „Со святыми упокой“, и въ душѣ растетъ жгучая тоска, отъ которой навертываются на глаза слезы.

Отслужили панихиду. Дьяконъ возглашаетъ „вѣчную память“, и кто-то съ тихими рыданіями падаетъ на колѣни.

У гроба родственники и друзья покойной, губернаторъ В. О. Джунковскій, градоначальникъ А. А. Адриановъ, помощникъ градоначальника В. О. Модль, почти вся труппа Художественнаго театра со Стапиславскимъ и Немировичемъ-Данченко во главѣ.

Послѣ панихиды началось возложеніе вѣнковъ.

Въ полутемномъ лагунѣ у гроба, стоя на колѣняхъ, рыдала какая-то женщина.

Молча кляли вѣнки одинъ на другой, цѣлую гору вѣнковъ, крестились и уходили.

Раздается 3-й звонокъ, закрываются дверцы вагона, и поѣздъ уходитъ...

На платформѣ долго еще стоитъ, не расходясь, молчаливая толпа.

Первымъ былъ возложенъ вѣнокъ отъ театрального общества управляющимъ бюро Н. Д. Красовымъ: микровая вѣтвь съ цвѣтами, перевитая бѣлой лентой. „Утро Россіи“ прислало вѣнокъ изъ палевыхъ розъ, лилій и гиацинтовъ. „Роскошному цвѣтку русской сцены“ отъ писателя Релизова. Художественный театръ возложилъ прекрасный темно-лазурный вѣнокъ съ надписью: „Свѣтлой памяти прекраснаго таланта“. „Цвѣты—цвѣтку“ „Прощай“ изъ Галлета — отъ К. Н. Незлобина, „Другу молодежи“ — отъ сотрудниковъ и сотрудницъ сезона 1900 года. Дальше вѣнки отъ Малаго театра, отъ Г. Н. Федотовой и М. Н. Ермоловой, отъ московскаго бюро театрального общества, отъ редактора книгоиздательства „Грифъ“ Сергѣя Кречетова, съ надписью: „За что?“, отъ общества драматическихъ и музыкальныхъ писателей, отъ общества дѣятелей періодической печати, отъ театра

Корша, „Незабвенной моей гостьей“ отъ Щукина. Литературно-художественный кружокъ возложилъ крестъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

Отъ Л. Г. Мунштейна (ред. „Рампа и Жизнь“) былъ возложенъ снопомъ пальмовыхъ вѣтвей съ ландышами и лилиями съ надписью: „Могилѣ нашихъ грезъ и лучезарныхъ сновъ“. Всѣхъ болѣе 50 вѣнковъ.

Только три слова были произнесены у гроба.

Говорили два студента и старый актеръ.

Изъ молчаливой толпы выступилъ старый, неизвѣстный никому актеръ и прерывистымъ отъ волненія голосомъ сталъ говорить о Коммиссаржевской.

Толпа замерла. Въ голосѣ стараго актера было столько неподдѣльнаго чувства, столько истинной скорби, что многие не выдержали и заплакали.

Панихиды по В. Ф. Коммиссаржевской.

Редакціей нашего журнала полученъ цѣлый рядъ телеграммъ изъ провинціи о панихидахъ по В. Ф., отслуженныхъ артистами (отъ П. П. Струйскаго изъ Саратова, г. Долина изъ Астрахани, изъ Каменецъ-Подольска и др.). Саратовской группѣ послѣ долгихъ мытарствъ удалось отслужить панихиду въ полковой церкви Хвалынскаго полка.

Въ Харьковѣ, въ „Голубомъ глазѣ“ состоялось траурное утро памяти В. Ф. Коммиссаржевской. Публика переполнила театр. Многие ушли за неизмѣнимъ мѣста.

Передъ портретомъ масса бѣлыхъ цвѣтовъ. На приглашенныхъ билетахъ, розданныхъ театромъ, было напечатано: Придите съ бѣлыми, печальными цвѣтами

Къ могилѣ нашихъ грезъ и лучезарныхъ сновъ...

(изъ стихотворенія Lolo, помѣщеннаго въ № 7 „Рампы и Жизни“). Это же двустишіе было напечатано и на афишѣ.

Артистъ оперной труппы г. Лазаревъ исполнилъ романсъ на слова Надсона: „Не говорите мнѣ“..., а артистка „Голубого глаза“ В. Д. Мошкова съ настроеніемъ и съ большимъ искусствомъ прочитала стихотвореніе Lolo.

Кромѣ того, прочитанъ былъ рядъ рефератовъ и стихотвореній и исполнено нѣсколько музыкальныхъ номеровъ.

Малый театр. „Женитьба Фигаро“.

Фигаро—К. В. Бравичъ.

Шаржъ И. Малютина.

Малый театр. „Женитьба Фигаро“ прекраснымъ, свѣтлымъ аккордомъ закончила удачный сезонъ Малаго театра.

Это одинъ изъ самыхъ удачныхъ спектаклей!

Онъ доставляетъ подлинное наслажденіе,—и отъ пьесы вѣетъ такой свѣжестью, чѣмъ-то хорошимъ, веселымъ, и исполненіе такое дружное, стильное и легкое.

Да, за такую старую пьесу можно отдать дюжину новинокъ!

Въ ней столько южнаго, золотого солнца, смѣхъ искрится и играетъ какъ шампанское, темпераментъ бьетъ ключомъ.

И вся пьеса такая чистая, ясная и свѣтлая.

И не устарѣла ни капельки, даже въ своей сатирической части — разсужденія о цензурѣ, о иностранной политикѣ, пародія на судъ — все это полно почти острой злободневности.

Получилось прямо чудо. Бомарше жестоко высмѣивать 18-й вѣкъ, пьеса его какъ памятникъ стоитъ надъ эпохой, а стрѣлы сатиры долетѣли до нашего времени.

Но цѣнность пьесы, конечно, не въ сатирѣ.

Цѣнность ея въ томъ, что въ ней царитъ свѣтлый божокъ любви, ея цѣнность — въ ея божественномъ юморѣ.

Теперь ужъ такъ не ищутъ — тайну смѣха унесли съ собой въ могилу старея мастера. И покоится она на южныхъ кладбищахъ, тамъ, гдѣ тихо спятъ Бомарше, Россини, Веранже...

Играютъ пьесу очень хорошо.

Въ роли Фигаро очень хороши и г. Южинъ и г. Бравичъ. Каждый изъ нихъ трагуетъ роль по-своему.

Г. Южинъ играетъ роль легче, буфоннѣе, ярче; г. Бравичъ болѣе резонерствуетъ.

Но оба превосходно говорятъ большой монологъ послѣдняго акта.

У г. Южина злая, сильная, отточенная интонація; у г. Бравича — немного тягучія, но такія тонкія, сверкающія скептическимъ умомъ.

Г. Южинъ болѣе темпераментный, горячій Фигаро; у г. Бравича на первомъ планѣ солидная разсудительность, лукавый юморъ продувнутаго испанца.

Но оба, повторяю, очень интересны.

Изъ другихъ исполнителей на первомъ планѣ г-жа Гзовская.

Она очаровательный, изящный, юный Керубино.

Съ ней на сцену входитъ солнце; кажется, дѣлается свѣтлѣе, когда звучитъ беззаботный смѣхъ сорванца Керубино.

И вся артистка такъ хрупка, нѣжна, стильна.

Очень тонко и стильно играютъ г-жа Яблочкина и г. Ленинъ.

Г-жа Лешковская, конечно, прелестная Сюзанна.

Очень мила въ этой роли и г-жа Садовская 2-я.

Прекрасно играютъ г-жа Никулина и г. Сашинъ, Рыбковъ, Головинъ, Правдинъ, Красовскій.

Чуть-чуть тягуче, но зато съ блескомъ настоящаго мастера.

Внѣшность — декорация, костюмы полны изящества и очень стильны.

Пусть А. И. Южинъ и дальше идетъ по такому прекрасному пути, и онъ навсегда упрочитъ свою блестящую побѣду.

Львовъ.

Театръ Корша. Послѣдній блинъ въ театрѣ Корша вышелъ комомъ...

Не повезло съ этимъ спектаклемъ — и пьеса не блещетъ достоинствами, и г-жа Аренцвари внезапно заболѣла, и ее экспромтомъ замѣнила г-жа Жихарева.

Въ довершеніе же всего г. Щипановскій упалъ, повредилъ себѣ ногу и игралъ черезъ силу, прихрамывая и опираясь на палку.

Что, впрочемъ, не помѣшало одному изъ критиковъ глупокомысленно разсуждать на тему, почему своего героя артистъ изображаетъ хромымъ — правильно ли это или нѣтъ.

Въ общемъ создается какое-то вялое настроеніе, и спектакль прошелъ очень сѣро.

Пьеса г. Червинскаго рѣшительно не имѣетъ никакихъ достоинствъ.

Это банальная и неумная исторія о двухъ братьяхъ, старая и изжеванная до-нельзя.

Конечно, одинъ братъ бюрократъ и мерзавецъ послѣдней степени, а другой изумительно честенъ и благороденъ, а по-сему говорятъ такія слащавыя и глупыя слова, что вчужѣ стыдно.

Конечно, при этомъ онъ носитъ длинные волосы, очки, косоворотку.

Братъ же, мерзавецъ, почему-то долженъ изображать орла, хотя онъ даже на пѣтуха непохожъ.

Онъ глупъ, мелокъ и просто неинтересенъ.

Исторія со завѣщаніемъ неясна и запутанна.

Высодить, что „орелъ“ подмѣняетъ завѣщаніе и подмѣняетъ такъ глупо, что оно не можетъ быть утверждено.

Но тогда почему же онъ ругаетъ покойную мать „вадорной женщиной“ за обнаружившійся дефектъ завѣщанія.

А на этой „черточкѣ“ авторъ строитъ финалъ 3-го акта. Вообще вся пьеса сшита бѣлыми нитками и рѣшительно никому невужна.

Намѣренія автора такъ и не выходятъ изъ предѣловъ благихъ желаній, которыми адъ вымощевъ.

Честный братъ вышелъ размазней и пустымъ мѣстомъ и вызываетъ прямо омерзѣніе.

Жена же его такая дура, какъхъ не бываетъ.

Разговоры о „политикѣ“ вудны, придуманы п тоже нсумы.

Для образчика приведу такой шедевр:

— Что вы сдѣлали, — спрашиваетъ „честный братъ“ бюрократа, — для отечества?

— А 17-го октября, — гордо отвѣчаетъ „орелъ“.

„Честный“, конечно, на это раздражается филиппикой.

Не дурно, не правда ли?

Единственный плюсъ пьесы — это недурной языкъ.

Играютъ пьесу сѣро.

Г. Смурскому не по себѣ въ роли „орла“.

Онъ человѣкъ молодой, въ немъ кровь кипитъ, ему Карла Моора подавай, а тутъ немолодой бюрократъ, сухой, лстыный, пттриганъ.

Но въ общемъ роль пдетъ не очень плохо.

Г. Щепановскій, несмотря на большую ногу, правильно сыгралъ честнаго брата.

Очень хороша г-жа Мартынова.

Очень поэтично, мягко, изящно сыграла г-жа Буткова, которая сдѣлала обаятельнымъ пошлый образъ.

Дарованіе артистки крѣпнетъ п развертывается.

Г-жа Жихарева сужденію не подлежитъ.

Недурень еще г. Хлѣбниковъ.

Въ общемъ же скучно, очень скучно!

Як. Львовъ.

Концертъ Олениной Д'Альгеймъ. До чего у насъ стали переходящй вкусы публики, до чего недолговѣчны всѣ ваши кумиры... Убѣдиться въ этомъ пришлось 18-го февраля на концертъ Олениной Д'Альгеймъ. Куда дѣвались прежнія биткомъ набитыя залы съ аншлагами о томъ, что билеты проданы, и та лхорадочвая атмосфера, которая обычно окружала эти столь любимые паян концерты п тотъ энтузіазмъ, пензмывво сопровождавшій каждое отдѣльное выступленіе даровитой артистки?

Вы думаете, она стала менѣе талавтлива? — Ничуть!

Наоборотъ, въ ея исполненіяхъ проступаетъ теперь еще большая глубина, въ нихъ чувствуется больше чѣмъ прежде спокойной самоувѣренности п подлинной, поистинѣ творческой провикновенности. Въ особенности въ исполненіяхъ Мусорскаго. Вѣдь трудно себѣ представить что-нибудь болѣе совершенное, трудно себѣ даже вообразить для Мусорскаго лучшаго художника-исполнителя-интерпретатора — въ томъ, кочевчо, смыслъ, въ какомъ это понимаетъ Домъ Пѣсни.

И все же нѣсколько вопросовъ навязчиво одолѣвали меня во время концерта: Какая была необходимость включить въ программу такія вещи какъ романсы Бетховена, Глюка п Берлиоза съ ихъ наивными словами п музыкой, безусловно чуждыми современному слушателю? Вѣдь если они могутъ вызывать въ немъ какой-нибудь птересъ, то только холодный пысканвый интересъ знатока къ старинѣ, въ которомъ не участвуетъ душа воспринимающаго. Они могутъ восхищать—но не трогать. Мы слншкомъ далеки отъ художника-творца, чтобы художникъ-исполнитель, при всей своей талавтности, способенъ былъ бы вызвать въ насъ, въ слушателяхъ, тотъ художественный трепетъ, который служитъ связующимъ п замыкающимъ звеномъ элементамъ пьесы.

А если это такъ, то, включая въ программу упомянутыя выше вещи, не входитъ ли этпмъ самымъ Домъ Пѣсни въ пѣкоторый конфликтъ со своими собственными принципами?

Домъ Пѣсни пмѣетъ теперь свой собствевный органъ. Мы были бы рады встрѣтнть на страницахъ его разъясненія этпмъ вопросамъ.

Р. Б.

Госпожа масленица.

Лисьжа въ редакцію.

Милостивый Государь,

г-въ редакторъ!

Позвольте мнѣ черезъ посредство Вашего уважаемаго журнала принести мою искреннюю благодарность всѣмъ лицамъ, прнвѣтствовавшимъ меня въ день моего тридцатилѣтняго юбилея.

М. Славичъ.

Милостивый Государь

г-нъ редакторъ!

Въ номерѣ 6-мъ журнала «Театръ и Искусство» помѣщена корреспонденція г. Матова изъ Новочеркасска, въ которой онъ высказываетъ свое пожеланіе, чтобы театральные предприниматели при организованнн своихъ труппъ руководствовались для выбора артистовъ отзывами объ нихъ изъ рецензій п проситъ даже редакцію вышеупомянутаго журнала при оглавленн статей за пслѣдній годъ прибавлять списокъ артистовъ, о которыхъ сообщались болѣе или менѣе обстоятельные п обоснованные отзывы лстыныхъ рецензентовъ.

Малый театръ.

Ю. П. Горевъ.

Шаржъ Эльскаго.

Какимъ цпизмомъ, какую безшабашную развязностью звучать эти строки для насъ актеровъ, хорошо освѣдомленныхъ, на чемъ п какъ создаются эти обстоятельные п обоснованные отзывы, за добросовѣтность которыхъ, полага руку на сердце, не поручится ни одна уважающая себя редація.

Припомню кое-что по этой части изъ моей актерской практики, п, можетъ-быть, факты, которые я здѣсь сообщу, факты, извѣстные многимъ изъ моихъ товарищей, п которые въ свое время публично были сообщены на съѣздахъ сценическихъ дѣятелей, умѣряя нѣсколько развязную, чтобы не сказать болѣе, ретивость новочеркасскаго рецензента. *)

Кто изъ моихъ старыхъ товарищей не помнитъ былыхъ саратовскихъ рецензій, характеръ которыхъ всецѣло зависѣлъ отъ того, возьметъ или не возьметъ антрепренеръ въ свою труппу актрису, состоявшую въ качествѣ супруги при редакторѣ мѣстной газеты. Возьметъ — п труппа жива п дышетъ, не возьметъ — п въ каждой рецензій сплошная ругань, хоть ложись да умирай. — Такое же точно явленіе доставляло не мало горя п въ Екатеринбургѣ, во времена, блаженной памяти, газеты «Екатеринбургская Недѣля», п въ Ригѣ во времена антрепризъ Оадѣва п Щербаковой. — Покойный Оадѣвъ говорилъ мнѣ лично: „Не знаю, какъ п быть; актриска тамъ есть при редакціи, рецензій, извольте ли видѣть, пшеть п требуетъ, чтобы ее непременно въ труппу взять. Не возьмешь — разнесетъ каждый спектакль, а возьмешь — давай лучшія роли, а чуть не дашь — такъ спектакль раздѣляетъ такъ, что не поздоровится“.

*) Конечно, достовѣрность всѣхъ приведенныхъ въ письмѣ фактовъ остается на отвѣтственности г. Лаврова-Орловскаго.

Г-жа Щербакова, взявшая рижскую антрепризу послѣ Фадѣева, тоже не мало натерпѣлась отъ этой неугомонной барыни. Я служилъ въ этой антрепризѣ, и хорошо помню, какъ Щербакова, доведенная вмѣстѣ со своею труппою несправедливыми нападками ея рецензій до полного отчаянія, рѣшилась обратиться въ другую мѣстную газету съ письмомъ, въ которомъ разоблачались мотивы и вся пристрастность рецензій этой озлобленной неудачницы-актрисы. Письмо было напечатано, произвело сенсацію, — на него не послѣдовало никакого опроверженія. Рецензии во враждебной нашей труппѣ газетъ стали писать другой рецензентъ, и тонъ ихъ сдѣлался вполне приличнымъ и безпристрастнымъ.

Въ пѣкоторомъ университетскомъ городѣ одинъ изъ мѣстныхъ рецензентовъ пристроилъ свою супругу, недавно кончившую филармоническую школу, въ труппу городского театра, и Боже сохрани, если кто-либо изъ другихъ актрисъ рѣшится играть роль, на которую заявила претензію жена рецензента. Можете быть увѣрены, что храбрая актриса понесетъ за это кару, и будетъ супругомъ-рецензентомъ, по актерскому выраженію, „раздѣлана съ пескомъ“.

Такихъ случаевъ трогательной любви рецензентовъ къ своимъ супругамъ-актрисамъ не пересчитать, и я приведу здѣсь еще два примѣра рецензентскаго пристрастія, мотивированнаго уже не смягчающимъ вину обстоятельствомъ — супружеской любовью, а просто самымъ обыкновеннымъ свинствомъ. — Въ одномъ ириуральскомъ городѣ антрепре-

возможности, прибѣгаютъ иногда къ способамъ примитивнымъ. Отнюдь не одобряя этихъ послѣднихъ, и не могу не отмѣтить, что вѣдь и многихъ рецензентовъ не всегда можно упрекнуть въ культурности, несмотря на то, что они имѣютъ полную возможность быть таковыми, хотя бы настолько, чтобы избѣгать такихъ выраженій, какъ: „Это не актеръ, а падалъ какай-то!“ (Sic! Одесса) или: „г-жа Т. обладаетъ манерами коровы“ и т. п.

Ип Бѣлинскій, ни Добролюбовъ, ни многіе другіе наши уважаемые критики къ такимъ выраженіямъ никогда не прибѣгали, своихъ супруговъ въ актрисы не навязывали, ложь для своихъ семействъ не требовали и въ то же время въ ихъ головахъ никогда не возникала мысль захватить въ свои, безукоризненно чистыя, руки судьбу актера, и сдѣлать его, въ пѣкоторомъ родѣ, бѣлымъ рабомъ актрисы.

И пока рецензентъ бралъ на себя только право критика, хотя бы бездарнаго, хотя бы неприличнаго, актеръ могъ молчать. Но когда въ отуманеннымъ самообольщеніемъ мозгу рецензента зародилась пагубная мысль узурпировать право рѣшать по своему произволу нашу судьбу и превратить насъ въ безответное стадо, мы всѣми силами нашей души должны заявить справедливый протестъ нашъ и сказать: „Господа! Посмотрите на ваши руки! Достаточно ли онѣ чисты? И да покроется краской стыда ваше лицо, если оно не потеряло еще этой способности!“

Но „страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ“, говорить по-словница, и я увѣренъ, что и среди рецензентовъ найдется много такихъ, которые настоящими глазами посмотрятъ на проектъ г. Матова и укажутъ всю неприличность онаго.

А. Лавровъ-Орловскій.

Казань, 1910 года.

Милостивый Государь
г. Редакторъ!

Кутаескіе любители драматическаго искусства вмѣстѣ со всей театральной Россіей оплакиваютъ незамѣнимую утрату въ театральномъ мірѣ. Мнрѣ праху твоему великаа артистка — Вѣра Федоровна.

Степановъ, Тамара Думбадзе, Рубачевъ, Каялова, Ке-неджанъ, Васманова-Югошвили, Славскій, Вѣлконова, Кротковъ, Джаноевъ, Строгонова, Разыпновъ, Мануйловъ и Мавровъ.

Юбилей М. Г. Савихой.

— Юбилейный спектакль М. Г. Савихой состоялся 24-го февраля. Шли четыре акта изъ разныхъ пьесъ, а именно: изъ „Холоповъ“ Гнѣдича, „Власти тьмы“ гр. Л. Толстого, „Мѣсяца въ деревнѣ“ Тургенева, и „Дикарки“ Соловьева и Островскаго. М. Г. Савиха выступила въ роляхъ самаго разнаго характера. Спектакль сопровождался грандіозными оваціями.

Огромный театръ былъ переполненъ пзбранной публикой. Мѣста оркестра были заняты артистами. На сценѣ расположились депутаты, которыхъ пришло свыше 60.

На спектакль присутствовали Государыня Императрица Марія Фёдоровна, Великіе Князья и Великія Княгини.

При появлении М. Г. Савихой въ роли княжны Пловутиной въ „Холопахъ“ публика устроила юбилейнѣйшую грандіозную овацію, длившуюся нѣсколько минутъ.

Чествованіе юбилейнѣйшее началось по оковчанію акта изъ „Дикарки“. Первая депутация — отъ труппы Александринскаго театра — поднесла грандіозный вѣнокъ-звѣзду изъ живыхъ цвѣтовъ и адресъ, прочитанный старѣйшимъ артистомъ В. Н. Давыдовымъ.

Московскій Малый театръ вмѣстѣ съ адресомъ поднесъ золотой вѣнокъ, московскій Художественный театръ — золотую массивную лавровую вѣтвь, Маринскій театръ — вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

„Гордость русской сцены, Марью Гавриловну Санпну, пріивѣтствуетъ театръ К. И. Незлобина“, послалъ лавровый вѣнокъ.

Театръ Корша и многіе изъ пидныхъ московскихъ артистовъ пріивѣтствовали М. Г. телеграммами.

Артистка пожала руки пріивѣтствовавшимъ и цѣловала товарищей по сценѣ.

Одна за другой безконечной вереницей потянулись депутаты съ восторженными пріивѣтствіями и адресами.

Юбилейный пріивѣтствовалъ депутация: отъ Императорской оперы (Кузнецова - Венау, Серебряковъ и Тартаковъ), отъ Петер. балета — г. Гердтъ, отъ Михайловскаго французскаго театра, отъ московскаго Малаго театра (Яковлевъ, Юрѣвъ, Долиновъ), отъ московской оперы, отъ всѣхъ петербургскихъ

Портретная галлерей кабаре „Летучая мышь“.

И. М. Москвинъ въ кривомъ зеркалѣ.

нерша отказала редакціи мѣстной газеты дать сверхъ обычнаго рецензентскаго мѣста въ партерѣ еще и ложу для семейства редактора, и рецензентъ этой газеты дошелъ въ своихъ рецензіяхъ до полнѣйшаго неприличія, употребляя по адресу артистовъ такіе выраженія: „г-жа С.-Д. стара какъ смертный грѣхъ; артистъ С. имѣетъ горбъ и, очевидно, несправильный алкоголикъ; г-жа Т. обладаетъ манерами коровы“ и т. п.

Такой же точно случай былъ при мнѣ и во Владикавказѣ, но еще болѣе поучительный, такъ какъ антрепренеръ капитулировалъ и послалъ въ редакцію требуемую ложу. Тонъ рецензій сейчасъ же измѣнился и получилъ не только спсходительный, но даже какой-то любовный оттѣнокъ.

Много могъ бы я сообщить аналогичныхъ случаевъ, но достаточно и принедепныхъ.

И вотъ, по проекту г. Матова, такіе-то милостивые государи возьмутъ на себя право рѣшопи актерской судьбы, рѣшеніе вашего актерскаго „быть или не быть“!

Боже мой, сколько возмутительной грязи, сколько вопиющихъ несправедливостей предстоитъ пережить намъ въ будущемъ, если проектъ г. Матова осуществится. — Но живъ еще Богъ, и Онъ сохранитъ насъ отъ этого самозваннаго посягательства на нашу и безъ того неприглядное существованіе.

Насъ часто обвиняютъ въ некультурности, ва томъ оспованіи, что иыкто;ые пзъ насъ, доведенные некорректными рецензіями до полного изнеможенія, и не имѣя возможности защищаться противъ нихъ культурными способами, потому что газеты, въ большинствѣ случаевъ, не даютъ намъ этой

частных театров, от университетов и других высших учебных заведений, от целого ряда провинциальных театров, от русского театрального общества, от национального союза и клуба, от Литературного фонда, от женского благотворительного московского общества и др.

Прислали свои приветствия М. Н. Ермолова, Г. Н. Оедотова, П. Д. Боборыкин, Вл. И. Пемирович-Данченко, Л. В. Собинов, И. В. Шпажинский и др.

Целую кипу приветственных телеграмм, не читая их за поздним временем, вручил артист г. Корвин-Круковский.

Очень трогательное впечатление произвело приветственное подношение от убийца сценических деятелей.

Юбилейный спектакль М. Г. Савиной состоялся и из «Дикарки» Островского и Соловьева, как пьесы, принадлежащей к самому раннему периоду юбиларии.

Первое представление «Дикарки» состоялось в 1879 году, в Малом театре, тогда принадлежавшем дирекции Императорских театров.

Роли были распределены так: Варя — Савина, Ашметов — Киселевский, Зубарев — Никольский, Малков — Сазонов, Вершинский — Петина, Мавра — Левкьева 1-ая, Ашметова (мать) — Чптау 1-ая, Ашметова (жена) — Дюжикова.

Вторую по хронологическому порядку пьесой шла «Власть тьмы», третьей — «Мсяцъ въ деревнѣ» и последней — «Холопы».

За 35 лет, что г-жа Савина служила на Александринской сцене, ей пришлось сыграть около 400 ролей!

Лучшие ее роли в пьесах: «Злоба дня», «Мишур», «Волки и овцы», «Правда хороша», «Выгодное предприятие», «Женитьба Блудина», «Безирядница», «Майорша», «Мсяцъ въ деревнѣ», «Нищие духомъ», «Дикарка», «Ревизоръ», «Надо разводиться», «Чародѣйка», «Тетенька», «Сорванецъ», «Провинциалка», «Ольга Ранцева», «Татьяна Рѣпина», «Симфонія», «Цѣпи», «Послѣдняя жертва», «Родина», «Власть тьмы», «Цѣна жизни», «Идиотъ» и т. д.

Выборъ пьес для юбилея М. Г. Савиной лучше всего свидетельствует о разнообразии и гибкости ее таланта.

Оглядываясь на прошлое славной артистки, просто удивляешься ее способности олицетворять самые противоположные типы.

Списокъ ее репертуарныхъ подвиговъ, по выражению П. П. Гнѣдича, представляет порою какую-то дикую скачку съ препятствиями.

Взяла хотя бы ноябрь 1877 года.

4-го числа артистка играет Сюзанну в «Женитьбѣ Фигаро». 14-го — Настю в «Счастливомъ днѣ» Островского и Соловьева, 21-го — Яблоко раздора, комедию Озерского, а 31-го — роль Тугиной в «Послѣдней жертвѣ» Островского.

И это, только что сыгравъ «Выгодное предприятие» Пѣхьяна и готовясь къ «Эмили Галотти» и «Женитьбѣ Блудина».

Савина окрашивала каждую роль своеобразнымъ колоритомъ, не говоря уже о томъ, что диапазонъ ее таланта позволялъ ей съ оидваковымъ совершенствомъ играть и драматическая и комическая роли.

Марья Антоновна в «Ревизорѣ» и Ольга в «Свѣтитъ да не грѣетъ», «Дикарка» и «Татьяна Рѣпина» — были исполнены одинаково жизненно.

Савина начала играть 8-ми лѣтъ в Одессѣ, исполняя роли дѣвочекъ и мальчиковъ. Гонораръ ей платили кофетамъ.

Денежное вознагражденіе она получила только за участие в опереткѣ «Днѣпровскія русалка». Эта пьеска пользовалась огромнымъ успѣхомъ. Маша Стремлянова исполняла роль русалки, а такъ какъ это была довольно трудная роль, ей платили 25 руб. разовыхъ.

Въ награду М. Г. дали бенефисъ и она поставила «Ипорченную жизнь», съ участием В. В. Самойлова.

— Помню, — рассказываетъ М. Г., — какъ и торжественно надѣла свой шифръ (и тогда была въ пансіонѣ) и отправилась приглашать Самойлова участвовать въ моемъ бенефисѣ. По всему городу были расклеены афиши, на которыхъ крупными буквами напечатано было: «Бенефисъ М. Стремляновой».

Маленькая бенефициантка получила четверть сбора, три букета и коробку конфетъ. Деньги она отдала отцу, а себѣ взяла цвѣты и конфеты.

Марья Гавриловна принимала большое участие во всероссийскомъ театральномъ съѣздѣ, состоявшемся въ Москвѣ, въ посту 1897 года. Засѣданія происходили въ Маломъ театрѣ.

Изъ петербургскихъ казенныхъ актеровъ прѣехали только М. Г. Савина и П. М. Медвѣдевъ. Отсутствие остальныхъ, не пожелавшихъ принять участие въ этомъ съѣздѣ, создавалось для того, чтобы общими усилиями помочь бѣднымъ провинциальнымъ актерамъ, было слишкомъ замѣтно. Обратила внимание на это и одна высокопоставленная особа, задавшая вопросъ М. Г.:

Портретная галерея кабарѣ „Летучая мышь“.

Л. В. Собиновъ въ кривомъ зеркалѣ.

— А почему не видно вашихъ товарищей?

Артистка съ достоинствомъ отвѣтила, указавъ на сидѣвшихъ въ театрѣ провинциальныхъ артистовъ:

— Это все мои товарищи.

Вжимакію Театрального общества.

Въ приемномъ покоѣ Александровской больницы въ г. Харьковѣ умерла драматическая артистка Марія Ивановна Летаръ (Агеева), доставленная туда хозяиномъ квартиры, — «квартиры», представлявшей собою холодную неоплаченную конуру.

Летаръ умерла отъ рожистаго воспаления, но дѣйствительно ли отъ этой болѣзни пресѣклась ее многострадальная жизнь — вопросъ. Нѣсколько дней недобѣдвѣя и отсутствіе какого-либо ухода, вѣроятно, ускорили смерть...

Покойная была совершенно одинока и всѣмъ оставлена. Случайно узнавшая о ее нуждѣ одна изъ бывшихъ артистокъ Харьк. драмы приняла въ ней участие, но было уже поздно... Летаръ умерла — и это лучше: прекратились физическія страданія, длившіяся долго, тяжесть которыхъ была еще чувствительнѣе...

И подумать только, что такъ ужасно кончила свою жизнь та самая блестящая Летаръ, которая занимала на провинциальной сценѣ одно изъ первыхъ мѣстъ! Артистка, получавшая въ свое время огромныя деньги, дарившая въ Казани, Саратовѣ, въ Тифлисѣ, имѣвшая шумный успѣхъ и въ Харьковѣ, дошла до полной нищеты; она голодала и, быть можетъ, оттого и умерла...

Покойная была женщиной далеко еще не старой, но болѣзнь легкихъ и другія неудачи лишили ее возможности работать въ постоянныхъ труппахъ и года два ей пришлось кочевать по маленькимъ городкамъ, распродавая постепенно рѣшительно все, что она когда-то приобрѣла...

Незбавована судьбой наша театральная братія, но страшный конецъ Летаръ составляетъ явленіе чрезвычайно удручающее. Это конецъ — своего рода memento для многихъ, живущихъ безъ оглядки сценическихъ деятелей, забывающихъ о нуждѣ и болѣзняхъ, старости и потерѣ сля.

Невольно напрашивается вопросъ — гдѣ же бьвается Театральное общество во всѣхъ этихъ незамѣтныхъ трагедіяхъ?

Петербургъ.

Петербургскіе этюды.

(Отъ собствен. корреспондента.)

Почти мгновенно, словно однимъ движеніемъ, обнажила головы многотысячная толпа народа при первыхъ звукахъ заупокойной литіи у вагона съ останками безсмертной Вѣры Фед. Люди безъ различія возрастовъ, возрѣній, пола, вѣры и партій свершили паломничество къ мѣсту прибытія близкаго по духу „гѣла“ Коммиссаржевской, — движимые желаніемъ отдать послѣдній долгъ поклоненія праху „свѣточа вѣчной правды творчества“. Образъ Вѣры Федоровны навсегда и прочно запечатлѣлся въ сердцахъ каждаго изъ нихъ.

Внутрь вокзала, къ траурному вагону, пускали по билетамъ, при чемъ за порядкомъ слѣдилъ комитетъ распорядителей.

Обидой полоснуло по сердцу запрещеніе нести вѣнки на рукахъ. Попутно не могу не упомянуть объ инцидентѣ, разыгравшемся съ вѣнкомъ отъ „дирекціи Императ. театр.“. Его своевременно заказали, но взять... не явился никто, и магазину пришлось послать вѣнокъ съ мальчикомъ, который сунуль его какому-то студенту, а послѣдній передалъ артисту Лерскому. Похвальное отношеніе, нечего сказать!!

Величественно-красиво тихой скорбью встрѣтила толпа гробъ съ останками Коммиссаржевской. Моментъ и... неудержимый потокъ сотенъ тысячъ народу хлынулъ вслѣдъ за прахомъ любимой артистки, медленно качаясь поплыли другъ за другомъ вѣнки, мелкими волнообразными движеніями стали переливаться людскія головы, и металлическій гробъ плавно, торжественно двигался къ вратамъ Александро-Невской лавры. Встрѣчное движеніе прекращено. Всюду съ балконовъ, изъ оконъ домовъ, съ подъѣздовъ, даже съ крышъ однимъ жаднымъ лихорадочнымъ взглядомъ ловятъ люди центръ процессіи. Истинно национальная потеря, вызвавшая и национальный трауръ. Въ лаврѣхъ незаконечно тянулись панихиды, по окончаніи коихъ публика медлила расходиться.

Въ день погребенія, 20 февраля, народу стеклось еще больше. Подобнымъ многолюдствомъ (только все же въ меньшей степени) и задумчивостью отличались похороны А. Е. Мартынова и И. С. Тургенева.

И когда гробъ В. Ф. приблизился къ могилѣ, люди рванулись впередъ и быстро, въ мгновеніе разыпались по соседнимъ оградкамъ, памятникамъ, могилкамъ. Вотъ запѣли „вѣчную память“, дорогіе останки стали опускаться въ могилу, и въ этотъ мигъ цѣлый дождь, градъ живыхъ цвѣтовъ по-

Портретная галлерей кабаре „Летучая мышь“.

П. С. Оленинъ въ кривомъ зеркалѣ.

сыпался на гробъ Вѣры Фед. со всѣхъ сторонъ, скатываясь въ глубину могилы и покрывая свѣжестью нѣжныхъ лепестковъ, какъ цвѣтнымъ пухомъ, холодную землю...

Начались рѣчи...

Первымъ говорилъ ветеранъ русской сцены Вя. Н. Давыдовъ:

— Наша дорогая, милая, хорошая Вѣра Федоровна умерла. Я говорю: „наша“, потому что Божій даръ, талантъ — этотъ могучій двигатель челоѣчества, въ какой бы отрасли онъ ни проявлялся, — есть общее достояніе, общая драгоценность, утрата которой всѣмъ больна и тяжка. Мы потеряли нашу драгоценную Вѣру Федоровну. Она умерла... Какъ холодно, дико, страшно звучитъ это слово: умерла! Умерла ли она? Да! Какъ ни ужасно это — она умерла. Но сильный духъ ея, могучій талантъ и ея свѣтлая, чистая, добрая душа — живутъ среди насъ и будутъ жить вѣчно.

Злая судьба несправедливо, безпощадно поступила, вырвавъ съ корнемъ изъ нашего драматическаго Вишневаго сада чудное дерево въ полномъ его цвѣтѣ и благоуханіи. Гдѣ-то далеко отъ насъ, какъ-то жестоко, обидно-нелѣпо, отъ страшной болѣзни, почти одинокая, умерла наша Вѣра Федоровна. Но вѣсть о ея кончинѣ какъ громомъ поразила всѣхъ насъ, всю Россію. Мы всѣ, какъ одинъ челоѣкъ дрогнули, набожно перекрестились и почувствовали себя осиротѣвшими, утратившими что-то дорогое, необходимое каждому изъ насъ. Вѣчно борющаяся со зломъ и недостатками родного искусства, ищущая новыхъ, свѣтлыхъ путей, трепещущая, принисившая даже себя подчасъ въ жертву артистическому благу, она какъ-то вдругъ, неожиданно, среди труда и заботы, какъ мотылекъ, сгорѣла на огнѣ и ушла отъ насъ въ лучшей мірѣ покоя и правды. При жизни обладая даромъ обласкать, утѣшить и согрѣть каждаго своимъ могучимъ талантомъ, своимъ живымъ словомъ и своей чуткой душой, она сохранила этотъ даръ и за гробовой доской — смертью своей она совершила великое благое дѣло, духовно слила театральныи міръ со всѣмъ житейскимъ міромъ. Стоитъ только оглянуться вокругъ, пробѣжать любую газету, чтобы узнать и увидѣть, какъ на долгомъ пути всюду встрѣчались и провожали всѣмъ дорогой прахъ. И вотъ теперь, здѣсь, всѣ, отъ мала до велика, и наука, и искусство, и литература, и учащаяся молодежь, и рабочіи людъ — всѣ собрались воедино воздать должное великому таланту и доброду челоѣвѣ, поклониться ему и проститься съ нимъ до общаго радостнаго утра. Что-то небывалое, стихійное произошло, поднявъ всѣхъ на ноги и заставивъ о многомъ подумать. Теперь я понимаю, — сказалъ В. Н., — ея слова, когда она говорила, что вѣрить въ свое безсмертіе и никогда не умереть. И точно. Имя ея, талантъ, дѣянія и память о ней — безсмертны.

Прими же, — закончилъ В. Н., — отъ насъ, дорогая, незабвенная, нашу глубокую сердечную благодарность за все: за твои ласки, свѣтлый умъ, добрую, чистую душу, за чудные образы, созданные тобой, заставлявшіе радоваться и плакать вмѣстѣ съ тобой.

Миръ праху твоему, воистину добрый другъ, товарищъ и душа-челоѣкъ“.

Затѣмъ К. И. Арабажинъ отмѣтилъ въ своемъ небольшомъ словѣ, что Коммиссаржевская „вышла на путь театра въ эпоху перелома и, какъ въ „Чайкѣ“, устами Треплева твердила:

— Нужны новыя формы...

Она первая на сценѣ дала намъ Чеховскіе тона. Это была пѣсня любящей души, оскорбленная диссонансомъ жизни...“

Большое впечатлѣніе произвело слово бывшаго шлессельбуржца Н. А. Морозова:

— Тяжелое время переживаемъ мы теперь. Артистка она была великая, и здѣсь ее оцѣнили. Но я вижу въ ней другую, прекрасную сторону: героиня въ душѣ, она сочувствовала героизму...

И отъ имени всѣхъ, кто готовъ героически отдать свою жизнь за свободу страны, я приношу здѣсь ей глубокую благодарность.“

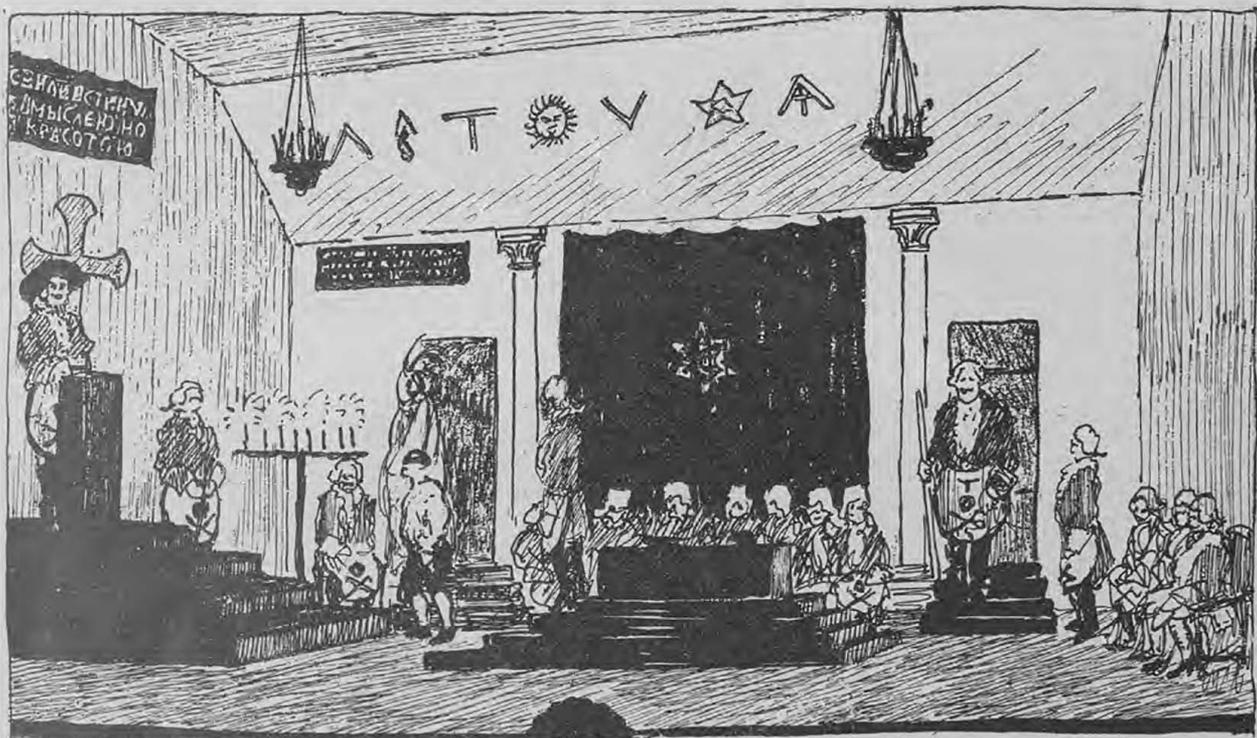
Говорили: арт. Импер. т. Серебряковъ, литераторъ Андріановъ, студенты, артисты... Л. Б. Яворская прочла стихъ Т. Л. Щепкиной-Куперникъ, посвященное памяти Вѣры Фед., кончающіеся слѣдующими строками:

Холодно... пусто... Затерянность жуткая...
Какъ же могла ты, ты нѣжная, чуткая —
Такъ безпощадно уйти?...
Чайка убита на-смерть бѣлокрылая...
Сломлена лилія чистая, мплая...
Прощай и прости!..

Членъ Госуд. Думы А. И. Гучковъ сказалъ мало, но выразительно:

— Третпная душа ушла. Она искала красоты, но не наша. Много уноситъ она въ могилу съ собой, но еще больше оставляетъ среди насъ...

Петербургъ. Малый театр.—„Вольные Каменщики“ Безпятова.

Дѣйствіе 2-е.

Засѣданіе масонской пожи.

Рисунокъ Д. Мельникова.

Глубокую вѣру въ будущее оставляешь ты, Вѣра, въ насъ...

Помолимся же за тебя! —

И, какъ послѣдній аккордъ, звучали теплыя слова рабочаго театра Коммиссаржевской.. Могилу стали засыпать, и вскорѣ холмъ, прикрытый грудю вѣнковъ, въ крѣпкія объятія сжалъ когда-то хрупкую, вѣжную, высоко-одаренную талантомъ и сердечной теплотою Вѣру Федоровну...

Вас. Базилевскій.

P.S. Любопытная подробность: вѣчно кипѣвшая энергіей, полная гражданскаго мужества, Вѣра Фед. и послѣ смерти не оставила заботы о собратяхъ по искусству. А. И. Гучковъ вноситъ въ Госуд. Думу на увѣковѣченіе памяти Коммиссаржевской законопроектъ объ ассигнованіи Русскому театралн. обществу 10.000 руб. ежегодной субсидіи.

Малый театр. (Отъ собств. корресп.). Новая комед. въ 4 д. Вл. О. Трахтенберга „Вѣдьма“—бытовал, простая, не одобренная блестящими „модныхъ“ словъ и настроеній пьеса, хотя въ ней мимоходомъ и встрѣчаются злободневныя рѣчи про взятки, бомбы и обыски. Написанная литературно, безъ явныхъ попятнословій на грубую шаблонность, „Вѣдьма“ останавливаетъ на себѣ вниманіе зрителя тонкой и глубокой разработкою (III д.) коллизіи психологическихъ переживаній дѣйств. лицъ, близкихъ по силѣ и сложности, пожалуй, героямъ Достоевскаго.

Тяжелая минута переживаетъ въ семьѣ, построенной на ненормальныхъ началахъ, „молодаяся“—рано выданная замужъ—хозяйка мебелиров. комнатъ Докутовская (г-жа Миринова), невидящая своего мужа (г. Нерадовскій) и съ чувствомъ своеобразной любви отослалася къ своему сыну (г. Стронскій). Такая жизнь дѣлаетъ Докутовскую сварливой, злой, „вѣдьмой“ семьи, которая, какъ бабочка на огонь, летитъ на свѣтъ романтической любви, разбивалъ лѣтъ условности и традиціи установившейся жизни, и находить къ несчастью въ „героѣ романа“ (г. Добровольскій) почти полное отсутствіе серьезнаго чувства. Отсюда—много „мученчества“ и рядъ мыслей о загадочности и безуміи любви.

Очень вѣрные, тонкіе и красивые нюансы душевн. эмоцій даетъ г. Нерадовскій, съ явнымъ темпераментомъ, хотя неровно, играетъ г. Стронскій и, какъ всегда, много чпстаго, яркаго юмора вноситъ въ роль жилицы Печкиной г-жа Корчагина-Александровская. Хороша постановка г-на Гловацкаго.

Идутъ усиленныя репетиціи пресловутаго „Шантеклера“ (въ стихотв. пер. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ). Ставить пьесу Ростана Б. С. Глаголинъ.

Вас. Базилевскій.

Артистка Имп. русской оперы Е. И. Збруева получила приглашеніе участвовать въ августѣ 1910 г. въ Вагнеровскомъ Festspiel'яхъ въ мюнхенскомъ Prinzregenten-theat'r въ роли Эрды.

— Въ консерваторіи на пасхальной недѣлѣ состоится шесть гастролей знаменитаго спцианскаго трагика ди-Грассо съ его группой. Изъ ролей своего прошлогодняго репертуара ди-Грассо выступитъ только въ „Отелло“, остальные же роли—„Шейлокъ“, „Ришелье“, „Смерть Іоанна Грознаго“ А. Толстого и „Людвикъ XI“.

— Въ субботу на масляной 27 февраля въ Мариинскомъ театрѣ состоится традиціонный ежегодный маскарадъ въ пользу Императорскаго Русскаго Театралнаго общества. Въ этомъ году маскарадъ обѣщаетъ быть особенно интереснымъ, такъ какъ устройствомъ его заняты чуть ли не все режиссеры Императорскихъ театровъ. Среди многочисленныхъ номеровъ программы, судя по рассказамъ, наибольшій успѣхъ будутъ имѣть номера: „День свадьбы Шантеклера“, „Въ погонѣ за кометой“, „Чревоушатель“ и „Хоръ г-жи Ивановой“. Самъ маскарадъ носить названіе „Въ ожиданіи кометы Галлея“.

Мелочи театралькой жизни.

Въ Кіевѣ произошелъ конфликтъ между антрепренеромъ, такъ называемаго, „Драматическаго театра“ г. Кручиннымъ и газетой „Кіевская почта“. Рецензентъ газеты упрекнулъ Кручинна за то, что онъ ставитъ въ своемъ театрѣ фарсы, а г. Кручиннъ прибѣгъ къ обычному у захолустныхъ антрепренеровъ (въ Кіевѣ этогъ предприниматель первый сезонъ) способу: продалъ мѣсто рецензента „Кіевской почты“...

Но слѣдовало бы г. Кручинну все-таки помнить, что Кіевъ—не Тетюши и не Царевкокошайскъ.

— Печальный случай произошелъ въ театрѣ петербургской консерваторіи во время представленія оперы „Карменъ“ съ участіемъ извѣстной артистки Маріи Гай.

Во время II-го акта, въ сценѣ „Ссоры въ тавернѣ“, Марія Гай настолько увлеклась, что схватила шпагу и принялась ею махать. Артистка при этомъ сильно ранила себя въ ногу. Платье было прорѣзано шпагой насквозь. Среди артистовъ и публики произошла тревога. Пришлось опустить завѣсъ. Были сѣбно вызваны врачи. Около часа они оказывали помощь раненой. Марія Гай пмѣла настолько мужества, что согласилась послѣ часоваго перерыва продолжать пѣть, чтобы не срывать спектакли.

Въ Лондонѣ произвелъ сенсацію арестъ извѣстнаго критика Мартина, обвиняемаго теперь въ цѣломъ рядѣ подлоговъ. Мартинъ состоялъ секретаремъ „Королевскаго общества“ англійскихъ артистовъ и растратилъ вѣренныя ему капиталы. Чтобы скрыть растрату, онъ прибѣгалъ къ подлогамъ.

— Для оживленія предстоящаго лондонскаго сезона общество „Poetry Recital Society“ возымѣло дѣйствительно оригинальную мысль. Дѣло идетъ о соединеніи на большомъ банкетѣ потоковъ великихъ англійскихъ поэтовъ.

Въ числѣ допущенныхъ къ „столу поэтовъ“ числится уже нѣкій Вильямъ Шекспиръ, ведущій свое происхожденіе, хотя и не непосредственно отъ великаго драматурга, во тѣмъ по менѣе по прямой линіи отъ его дѣда. Американскій журналистъ будетъ представителемъ Джона Драйдена, лондонскій продавецъ игрушекъ—Чосера. Кроме того, въ списокъ приглашенныхъ имѣются потомки Герберта Спенсера, Роберта Саутей, Роберта Борнса, Кольриджа, Байрона и Теннисона.

За рубежомъ.

Бернардъ Шоу, по всѣхъ своихъ произведеніяхъ оригинальный, а еще больше старающійся быть оригинальнымъ, усвоилъ и для сценическихъ своихъ произведеній особую манеру. Формой авторъ не стѣняется, никакихъ прिवытокъ условій сцены не признаетъ, на фабулу не обращаетъ никакого вниманія.

Въ этомъ духѣ написана и новѣйшая пьеса Бернарда Шоу „Неравный бракъ“ („Мезальянсъ“), поставленная въ первый разъ 10 (23-го) февраля на сценѣ „театра герцога Йоркскаго“ въ Лондонѣ.

Дѣйствие разыгрывается въ загородномъ домѣ богатаго фабриканта Гарльтона, семью котораго составляютъ: жена — добрый гений, ангелъ всепрощенія, сынъ — демократъ, въ духѣ, впрочемъ, своего отца, и дочь — сторонница женскихъ правъ, смѣлая, даже слишкомъ смѣлая для англичанки въ области чувства. За дочерью ухаживаетъ молодой, захудалый лордъ, но безъ успѣха.

Гарльтонъ, котораго насмѣшливо авторъ, вѣрный своей манерѣ, дѣлаетъ извѣстнымъ фабрикантомъ нижняго бѣлья, половину недѣли проводятъ въ Сити, половину — среди семьи. Здѣсь онъ желаетъ наслаждаться полнымъ отдыхомъ. Въ пьесѣ Шоу это ему не удастся. Мы живемъ въ эпоху авіатики.

И вотъ нежданно-негаданно на крышу фабрикантова

Александринскій театръ.

„Ивановъ“ А. П. Чехова.

А. П. Петровскій

въ роли графа Шабельскаго.

Монрено падаетъ потерпѣвшій аварію баллонъ, и буквально свалываются на голову гости, — извѣстный авіаторъ Персиль и его смѣлая спутница Лина Щепановская, акробатка и жонглерка.

Возникаетъ обычная въ такихъ случаяхъ, нисколько не оригинальная кадрыля любви: сынъ фабриканта влюбляется въ акробатку, дочь — въ авіатора, человѣка, не имѣющаго за душою ни копейки. Но эта неоригинальная тема разрабатывается авторомъ по-своему.

Гордая акробатка отвергаетъ предложеніе богатаго фабрикантскаго сына, какъ она отвергла уже домогательства многихъ другихъ ему подобныхъ. Она самостоятельна, любима публикой, обезнечена и не хочетъ мѣшать это блестящее положеніе на рабство замужней женщины. Авіаторъ тоже предпочитаетъ свою свободу женитьбѣ на слишкомъ переходовой миссѣ и въ буквальномъ смыслѣ слова спасается бѣгствомъ отъ ея откровенныхъ любовныхъ преслѣдованій. На сценѣ появляется еще незаконный сынъ фабриканта, озлобленный жизнью человѣкъ, ищущій справедливости.

Ни одно изъ ухаживаній и предложеній не оканчивается бракомъ. Всѣ расходятся въ разные стороны, и въ загородномъ домѣ фабриканта опять водворяется обычное спокойствіе.

Общая мысль автора такова: мы живемъ въ постоянномъ мезальянсѣ. Фальшь — не только наши брачныя отношенія, но и вся наша жизнь: отношенія родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ, наши отношенія къ государству, къ обществу, къ нашему призванію, къ нашимъ правамъ и обязанностямъ — словомъ, ко всему міру.

Въ Парижѣ въ театрѣ Gymnase съ громаднымъ успѣхомъ идетъ новая пьеса Батайля „Неразумная дѣва“ („La vierge folle“). Письмо нашего корреспондента В. Л. Бивштока о пьесѣ отлагаемъ до слѣдующаго номера.

Митингъ берлинскихъ актрисъ.

Протестовать противъ изозорнаго соціальнаго и жалкаго положенія актрисы собрались недавно артистки берлинскихъ и вѣхъ нѣмецкихъ театровъ. Но собраніе это не только должно было ограничиться одними протестами: на немъ была выработана извѣстная резолюція, въ которой были соединены желанія пока еще неорганизованныхъ труженицъ театра, впервые выступающихъ публично не съ высоты сцены, а съ ораторской трибуны.

Явленіе это было безпримѣрно и привлекло къ началу собранія (11 час. вечера) такую массу публики, что громадный залъ Филармоніи, вмѣщающій нѣсколько тысячъ человѣкъ, былъ переполненъ. Нѣтъ словъ, что большая часть этой публики не столько интересовалась соціальнымъ положеніемъ актрисъ и улучшеніемъ его, сколько „пикантнымъ“ зрѣлищемъ: увидѣть въ качествѣ агитаторши и пропагандистки извѣстную артистку, согласитесь, явленіе необыкновенное. Но необходимо отдать справедливость умѣнію и такту нѣмецкихъ артистокъ, оказавшихся на высотѣ своего положенія.

Уже одно, что предсѣдательствовала извѣстная дѣятельница эмансипаціи женщинъ въ Германіи, Минна Кауэръ, указывало на то, что нѣмецкія актрисы своей эмансипаціонной походѣ считаютъ лишь отдѣльной операціей въ стратегическихъ планахъ освобожденія нѣмецкой женщины вообще. Уже первая ораторша актриса Рубиеръ („Новый театръ“ — Берлинъ) въ центрѣ своей рѣчи помѣтила обсужденіе факта, являющагося одной изъ коренныхъ причинъ жалкаго положенія актрисы въ обществѣ. Указавъ на то, что большой процентъ, въ особенности провинціальныя актрисы, несомнѣнно, толкается на путь проституціи, она громкозвучно заявила, что имѣется безчисленно много женщинъ и дѣвушекъ, для которыхъ театръ является лишь предлогомъ для безразличнаго образа жизни. Борьба съ этимъ явленіемъ, по мнѣнію г-жи Рубиеръ, окажется возможной лишь послѣ созданія сильной профессиональной организаціи артистокъ и послѣ проведенія въ жизнь обязательнаго снабженія артистокъ гардеробомъ со стороны дирекціи театра. Вѣдь гардеробъ, въ сущности, является, въ большинствѣ случаевъ, тѣмъ мотивомъ, который закабалаетъ актрису въ отношеніи передачи ей ролей со стороны дирекціи и бросаетъ ее въ объятія перваго попавшаго платежеспособнаго поклонника не столько искусства, сколько жрицы его.

Центральнымъ моментомъ интереснаго митинга, восторженно поддержавшаго предыдущую ораторшу, явилась рѣчь выдающейся берлинской драматической артистки Розы Бертенсъ. Громкимъ, свѣжимъ голосомъ и съ большимъ темпераментомъ она начала свою рѣчь съ того, что требуетъ серьезный государственный контроль за частными драматическими школами. Вообще, по мнѣнію Бертенсъ, слишкомъ много женщинъ стремятся къ театру. Создалось громадное перепроизводство актрисъ, и вслѣдствіе этого пониженіе цѣны на нихъ.

Все и вся увлекается сценической дѣятельностью, учительницы бросаютъ сполъ должности, студентки — университетъ. Если у актрисы нѣтъ изящныхъ туалетовъ, директоръ отстраняетъ ее отъ ролей; имѣть же она ихъ, сейчасъ возникаетъ вопросъ: „Гдѣ любовникъ?“ „Волшебство театральвой романтики, — высказываетъ аргистъ Рикельтъ (Леснякъ-театръ — Берлинъ), — привлекаетъ молодыхъ дѣвушекъ на сцену; потомъ наступаетъ разочарованіе, борьба за карьеру. Много талантовъ терпятъ крушеніе на вопросѣ о туалетахъ. Но надо сказать всю правду: виноватой является и публика. Посмотрите только на публику въ театрахъ! Сколько среди нея дамъ, посѣщающихъ театръ лишь съ цѣлью копированія новѣйшихъ парижскихъ моделей! Публика требуетъ излишней роскоши, и потому она несетъ значительную долю вины въ несчастіи артистокъ. Остается еще одинъ вопросъ: матерпство актрисы. Нѣмецкій театральный контрактъ угрожаетъ актрисѣ, становящейся матерью, отказомъ отъ службы по мотивамъ, ничего общаго съ искусствомъ не имѣющимъ, другими словами, актрису лишаютъ самаго элементарнаго права женщины, имѣющаго громадное значеніе и для художественнаго обогащенія таланта актрисы. И все это — при черѣдко встречающемся гонорарѣ въ 25—30 марокъ въ мѣсяць, иногда даже при условіи, что любовникъ актрисы приметъ въ театральномъ предпріятіи участіе своимъ капиталомъ.

Новая оцѣнка Шекспира.

(Англійская театрально-литературная злоба дня.)

Уже около полувѣка пѣвственная группа лицъ, болѣею частью чуждыхъ литературѣ, ставила себя задачей доказать, что канцлеръ Вэконъ написалъ въ часы своего досуга драму Шекспира, а бѣдный стратфордскій комедіантъ служилъ не болѣе, какъ псевдонимомъ, предназначеннымъ для прикрытія литературныхъ грѣшковъ философа и государственнаго чело-вѣка. Не такъ давно я давалъ отчетъ здѣсь же, на страницахъ „Рампы“, о попыткѣ Дамблона, профессора при Брюссельскомъ Вольномъ университетѣ и члена бельгійскаго парламента, который предлагалъ другого „кандидата въ Шекспира“ — Реджера Моуерса графа Ретландъ до тѣхъ поръ вообще невѣстнаго широкой публикѣ, изрѣдка слоропою слышавшей только, что онъ занималъ почетное мѣсто среди избранной по уму и общественному положенію интеллигенціи въ ту замѣчательную эпоху англійской исторіи.

Откуда же является эта любопытная склонность искать прославленнаго драматурга тамъ, гдѣ его нѣтъ? Зачѣмъ не признавать въ этомъ генія творца произведеній, подписанныхъ его именемъ? Причина очень проста: потому что поверхностному изслѣдователю чело-вѣкъ кажется такимъ мелкимъ и, можно даже сказать, пошловатымъ на ряду съ его гигантскимъ и захватывающимъ творчествомъ: считаютъ недопустимымъ, чтобы оно принадлежало ему! Хотя подобный доводъ не лишень отвлеченнаго значенія, но фактически мало-убѣдительнъ. Въ сущности къ тому же сводится исторія всѣхъ писателей прошлаго, настоящаго и будущаго. Ихъ произведенія кристаллизуютъ все, что они сами имѣютъ въ себѣ лучшаго: они рассказываютъ и исповѣдаются на собственный счетъ, но всегда съ известной самоидеализаціей. Такимъ образомъ, сочиненія — увеличительныя стекла, сквозь которыя мы видимъ авторовъ съ ихъ пороками, грезами, страстями, достоинствами и недостатками, но болѣе, чѣмъ въ дѣйствительности. Старая критика, еще вдохновлявшаяся Аристотелемъ, изъ этого естественно выводила, что стоитъ только изучить книги, а личности ихъ творцовъ представляють лишь второстепенный интересъ. Но критикъ нашихъ дней сѣдуютъ совершенно противоположной системѣ, начавъ съ поисковъ матеріала имевъ въ ихъ психологическихъ биографіяхъ.

Въ данномъ смыслѣ крайне интересна и поучительна только-что напечатанная содлинная работа подъ заглавіемъ „Чело-вѣкъ — Шекспиръ“, принадлежащая перу Франка Гарриса, который доказываетъ, что главное значеніе шекспировскихъ драмъ — въ томъ, что онѣ обнаруживаютъ намъ душу, внутреннюю сущность того, кто ихъ создалъ, почему и должны оцѣниваться какъ простые автобиографическіе документы.

Я лѣтъ 19 — 18 назадъ перенисывался съ Франкомъ Гаррисомъ (лордомъ Пальмеромъ), когда онъ редактировалъ лондонскій журналъ „Fortnightly Review“ (Двухнедельное Обозрѣніе), по поводу перевода на англійскій языкъ одной русской вещи, и онъ присылалъ мнѣ въ ту пору печатные оттиски своихъ, дышавшихъ свѣжестью, здоровымъ натурализмомъ благородно-радикальными политическими взглядами,

Господинъ сезонъ.

(Проектъ памятника угасающему сезону.)

Рисунокъ Andre'a.

повѣстей и очерковъ, имѣвшихъ крупный успѣхъ среди британской публики и въ Сѣверной Америкѣ, судя по тогдашнимъ отзывамъ печати. Затѣмъ я потерялъ изъ виду Гарриса, пока, въ концѣ прошлаго года не прочелъ гдѣ-то, что онъ посвятилъ цѣлкомъ послѣдніа 15 лѣтъ тщательному и добросовѣстному изученію шекспировской личности. Мнѣ, разумѣется, сейчасъ же захотѣлось приобрести его „The man Shakespeare“.

Несмотря на всю цѣнность и значеніе этой капитальной книги, трудно согласиться съ авторомъ, будто трагедіи Шекспира эти исключительно по качеству автобиографіи. Нельзя же заявить Гамлету, Отелло, Ромео или Фальстафу: „съ того мгновенія, когда вамъ болѣе нечего открыть про тщеславіе и чувственность того, кто васъ изобразилъ, срисовывалъ самого себя, и портретами котораго въ разныхъ костюмахъ вы только служите, можете уходить со сцены, потерявъ для насъ всякій смыслъ въ остальномъ!“.

Это было вѣлостью. Опробъ писателей по востоящему поводу во имя Шекспира отвергъ бы несомнѣнно заключенія Франка Гарриса, какъ основательно паходитъ пѣвственный французскій критикъ Филонъ, которому я обязанъ приводимымъ свѣдѣніямъ.

Напр., у Гейне вырвалось пѣ „Intermezzo“: „Изъ моихъ великихъ горестей я дѣлаю маленькія пѣсни!“ Это по случайности можетъ быть, и вѣрно на одинъ разъ. Но если взять противоположность указаннаго изреченія, перемѣстивши оба прилагательныхъ, получится повседневная истина. Изъ вашихъ ничтожныхъ чувствъ и пошлыхъ возвѣній мы создаемъ необыкновенныя положенія и характеры, и сами реалисты, склонные выставить Дульцинею, простой крестьянкой вмѣсто благородной дамы изъ воображенія Донъ Кихота, не пѣбгаютъ этого закона; а Шекспиръ — тѣмъ болѣе, идеализируя себя, хотя бы въ Фальстафѣ и Ромео. Къ своему личному опыту онъ присоединялъ обрѣтанный въ странствіяхъ по свѣту.

А Фравкъ Гаррисъ утверждаетъ, будто Шекспиръ зналъ только одну женщину, свою любовницу, и запираетъ его, пускай въ обширную, но все же тюрьму, отпывая у него одними взмахомъ даръ вѣблюдательности, не уступавшій въ безсмертномъ драматургѣ гениальной фантазіи.

Къ чему подобвыя преувеличенія, и насилія? Сразу они кажутся умышленными чудачествами, но, когда ближе ознакомимся съ трудами лорда Пальмера, невольно чувствуешь, что имѣешь дѣло съ задорнымъ бойцомъ, который приступаетъ къ литературной проблемѣ, точно средневековой рыцарь, готовый вызвать на пѣшее или конное единоборство всѣхъ присутствующихъ, или певронать, который страшно раздражается даже при мысли о возможности противорѣчій. Эти взрывы дурного настроенія заставляютъ думать и отклоняться его перо, говорить болѣе, чѣмъ онъ долженъ и хотѣлъ бы, хотя Гаррисъ все-таки остается искреннимъ, независимымъ и оригинальнымъ критикомъ. Книга его — цѣнная услуга, оказавшая дѣлу изслѣдованія Шекспира, достойная занять мѣсто рядомъ съ прославленными трудами Тилера и Фѣрвала, а также съ замѣчательной попыткой Брандеса. Понадобилась бы цѣлая библиотечка для пере-

численія всей „шекспировщины“ за послѣднія 50 лѣтъ. Но здѣсь будетъ достаточно остановиться, согласно съ Гаррисомъ, на Феривалѣ да Тилерѣ, такъ какъ первый рѣшительно установилъ правильную хронологію пьесъ великаго драматурга, а второй раскрылъ главный кризисъ страсти того, кто выразился про себя: „Love's my sin“, т. е. „любовь мой грѣхъ!“

Благодаря Феривалю, который своими изслѣдованіями обобщилъ таковыя же шекспировскаго общества, мы можемъ возсоздать исторію его генія а съ Тилеромъ угадываемъ сердечную трагедію Шекспира.

Объединить обѣ группы данныхъ въ одно стройное изложеніе, разъяснить и истолковать ихъ одна другою—вотъ цѣль, которая невольно соблазняла выдающихся умы. Брандесъ и Гаррисъ поочередно занялись ею, съ промежуткомъ въ нѣсколько лѣтъ, одинаково смѣло, но упродерживаясь различныхъ точекъ зрѣнія.

Датчанинъ по преимуществу знакомился съ человѣкомъ, чтобы лучше понять его творчество, а соотечественникъ изучалъ послѣднее, желая ближе подойти къ самой личности Шекспира. Но что же въ немъ видитъ лордъ Пальмеръ?—„Сноба“ и развратника, который умеръ отъ чрезмѣрныхъ кутежей. Она не признаетъ за нимъ ни мужества, ни тактичнаго поведенія, ни нравственной зрѣлости, ни даже гибкости лонкаго таланта отъ литературы. Если онъ рано уплатилъ долги своего отца, притроилъ мать въ лучшемъ домѣ Стратфорда и выкупилъ заложенные фамилные гербы, — Вильяму позволили сдѣлать все это въ сбереженія автора, актера или пайщика въ театрѣ „Globe“, а щедрость его покровителя, лорда Соутгемптона. Но въ итогъ, получивъ и растративъ значительныя для того времени суммы, Шекспиръ умеръ обидѣвшимся, если не разореннымъ. Что же ему остается послѣ беспощадаго слѣдствія Гарриса?—Репутація несравненнаго собутыльника, добраго и снисходительнаго товарища съ мяжкой и отъзвучивой натурою. Эта отнюдь не лестная характеристика внезапно заканчивается апофеозомъ. Авторъ приглашаетъ насъ любить и уважать Шекспира какъ одного изъ совершеннѣйшихъ образцовъ человѣчества. Онъ представляется въ качествѣ истиннаго британца послѣ предупрежденій, о томъ, что онъ лишше основныхъ качествъ англійскаго племени, и какой-то выродокъ итальянскаго ренессанса, точно заблудившійся на почвѣ Альбіона. Трудно распутаться среди этого разгрома, учиненнаго падъ особою творца „Гамлета“!

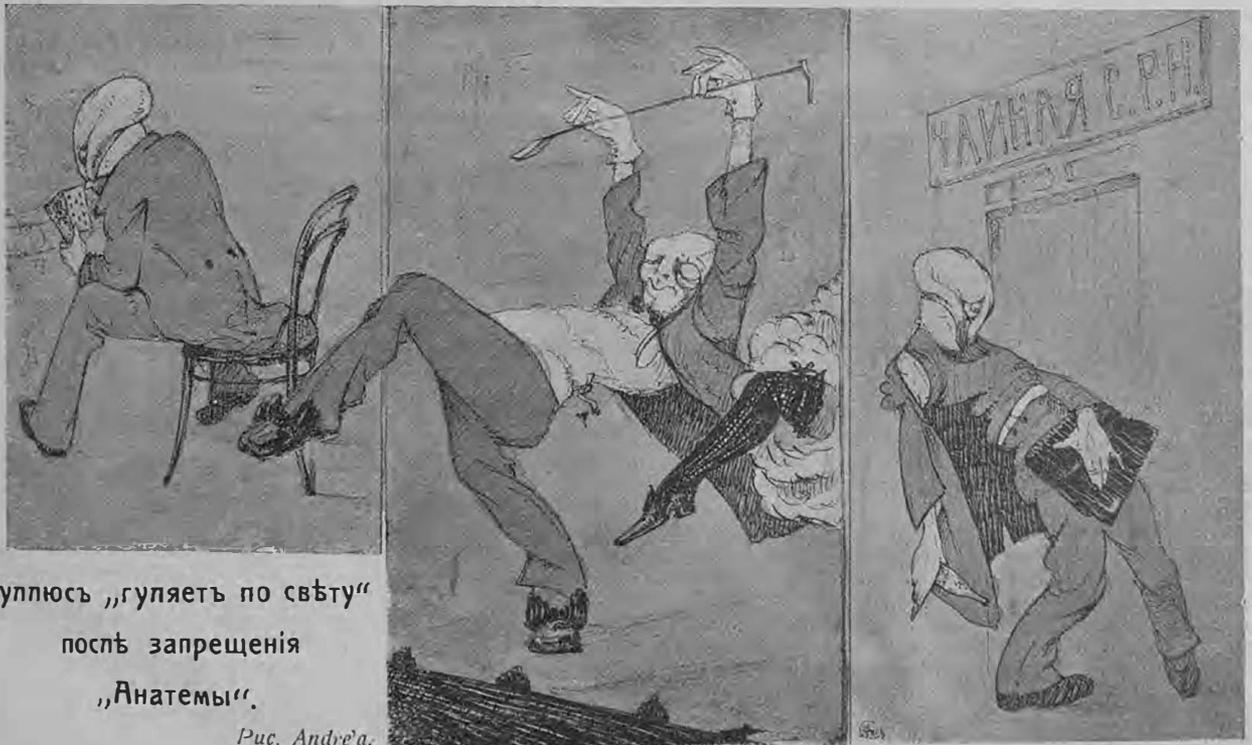
Дѣйствительно ли справедливо его обвиненіе въ „снобизмѣ“? Конечно; но это было необходимою его общественнаго положенія, и удивительно, какъ лордъ Пальмеръ, признавъ роковую истину, видимо, сразу ее забылъ, равно какъ смягчающія обстоятельства. Современный актеръ — почти постоянно „сноб“, потому что нѣтъ другого ремесла, въ большей мѣрѣ развивающаго субъективное тщеславіе. Но безъ малаго обратная причина осуждала Шекспира на „снобизмъ“. Онъ принадлежалъ къ презираемому сословию: его профессія считалась еле законною! За кого же упитаться, съ чьей помощью устроить себѣ сносное положеніе и раздобыть

денегъ? Средній классъ, уже заполоненный пуританизмомъ, ненавидѣлъ „фигляра“, а простой народъ не могъ ничего сдѣлать. Вѣдь онъ, сблизившись съ молодыми дворянами, жилъ въ ихъ кругу, раздѣляя утонченныя наслажденія въ ихъ компаніи. Роскошь и изящество пренеполнены поэзіи, которою Вильямъ упивался. Онъ встрѣтилъ болѣе возвышенныя радости въ процвѣтавшей тамъ благородной культурѣ, къ которой приспособлялся съ изумительной легкостью. Эти ужипы съ Эссексомъ, Соутгемптономъ, Пальборокомъ, Френсисомъ Бэкопомъ, Чарльзомъ Данверсомъ и прочими послужили ему университетомъ. Патриціи по вдивидуальнымъ стремленіямъ и отчасти даже благодаря семейной наслѣдственности, Шекспиръ ставился имъ все болѣе до самаго дна, когда его послѣдняя пьеса „Буря“, уже вѣвшая смертью, выразила безграничное отвращеніе къ демократіи, непопощенной въ образѣ Калибана. А нѣсколькими годами ранѣе „Коріоланъ“ придакъ сатирически вѣрною оцѣнку низшимъ слоямъ англійскаго народа, какими они представлялись очамъ старѣшаго Шекспира. Радикаль Гаррисъ въ лордѣ Пальмерѣ считаетъ эти проявленія „аристократизма“ уже знаменіями умственного расслабленія.

Авторъ разбираемой книги еще находитъ „сноба“ въ любовникѣ, и обаяніе, котораго добились надъ Вильямомъ Мэри Фиттонъ, гофъ-дама королевы Елисаветы (незавидная особа), представляется ему магнитомъ, вѣчно привлекающимъ артиста къ испорченной въ корнѣ свѣтской барывѣ. Гаррисъ преувеличиваетъ срокъ этой связи, но не значеніе, которое она имѣла въ жизни поэта. Эта дама внушала, до своей измѣны ему, въ шекспировскихъ произведеніяхъ чарующіе образы ихъ героинь; а въ послѣдствіи авторъ отъ нея же богато черпалъ типичныя черты законченныхъ негодяекъ вплоть до самаго предѣла своей писательской карьеры.

Гаррису легко было отыскать слѣды Мэри Фиттонъ въ знаменитыхъ сонетахъ по указаніямъ предшественниковъ, но онъ самъ ловко отиѣтилъ ихъ въ драмахъ шекспировской юности и старости, такъ сказать, всю лирику драматическаго творчества. Одно изъ любопытнѣйшихъ и особенно прочно обоснованныхъ главъ его книги та, гдѣ лордъ Пальмеръ отожествляетъ Розалинду изъ „Love's Labours lost“ съ „брюнеткою“ сонетовъ, приводя отрывки послѣднихъ, которые Шекспиръ включилъ въ пьесу, когда ее играли передъ королевою на Рождество 1597 года.

Преданный любовникъ оскорблялъ устами дѣйствующихъ лицъ присутствовавшую въ театрѣ Мэри Фиттонъ. Положеніе было выгодное, и имъ стоило воспользоваться. Но Гаррисъ нѣсколько пересолпилъ нмимый трагизмъ этого эпизода, такъ какъ фигура самой „гофъ-дамы“ скорѣй изъ комедіи или даже фарса. Шекспиръ ссудилъ свою философію Гамлету, и критикъ былъ правъ, вернувъ ее драматургу, но здѣсь слѣдовало болѣе углубиться. Какова была вѣра Вильяма? Отвѣта лордъ Пальмеръ не даетъ, и это существенный пробѣлъ въ психологической оцѣнкѣ Шекспира. А вопросъ разрѣшается чрезвычайно просто и характерно. Одинъ изъ послѣднихъ архіепископовъ Кентерберійскихъ (кажется, д-ръ Бенсопъ)

Нуплюсь „гуляеть по свѣту“
послѣ запрещенія
„Анатемы“.

Рис. Andre'a.

перечиталъ всего Шекспира отъ строки до строки, чтобъ найти какія-нибудь положительныя или отрицательныя указанія на сверхъестественный порядокъ вещей при Властителѣ Мира; но вернулся съ пустыми руками, не встрѣтивъ положительно ничего подтверждающаго наличность религиозной идеи, хотя бы смутной или въ зародышѣ, у Шекспира. „Юморъ, любовь, полтика, грёзы и дѣйствительность, размышленія на граняхъ безконечности и каламбуры пьянаго дворника, угаданный древній мѣръ и предусмотрѣнный новый, — все есть въ Шекспирѣ, — заключаетъ О. Филонъ: — все кромѣ Бога!“

Сергѣй Бердяевъ.

Парижскія письма.

Изъ молодыхъ драматурговъ, выдвинувшихся за послѣднее время, критика возлагаетъ много надеждъ на Андре Пикара.

Однимъ изъ первыхъ его произведений, обратившихъ на него вниманіе, была поставленная въ театрѣ Sarah-Barnes одноактная комедія „Monsieur Malézieux“. Но настоящей большой успѣхъ на долю Пикара выпалъ, когда онъ поставилъ въ Одеонѣ пьесу „Jeunesse“, выдержавшую больше 100 представлений.

Новая пьеса Пикара, поставленная въ театрѣ Антуана — „L'Ange-Gardien“ — произведение очень сильное и обладаетъ многими крупными достоинствами.

Это комедія характеровъ. Героиня этой пьесы Тереза Дювилье, суровая вдова — образецъ всѣхъ добродѣтелей.

Всѣ окружающіе считаютъ ее страшно злой, сухой, бездушной эгоисткой; въ особенности глупая борьба происходитъ между Терезой и гостящимъ у ея брата (въ замкѣ котораго происходитъ дѣйствіе) художникомъ Шармье.

Послѣдній при видѣ Терезы скрежещетъ зубами. Тереза открываетъ связь между Шармье и женой своего брата Сюзанной; она грозитъ ей и требуетъ, чтобы Сюзанна и Шармье порвали эту связь, и въ случаѣ отказа Сюзанны грозитъ рассказать все ея мужу.

Въ превосходной сценѣ между Терезой и Шармье послѣдній отказывается повиноваться Терезѣ и порвать свою связь съ Сюзанной.

— Вы ничего никому не расскажете, я зажму вамъ ротъ. — „Какимъ образомъ?“ — вызывающе спрашиваетъ его Тереза. — Вотъ такъ! — отвѣчаетъ Шармье, и страстно ее цѣлуетъ.

Тереза шатается и почти безсознательно падаетъ въ его объятія. Этотъ coup de théâtre, которымъ заканчивается второе дѣйствіе, имѣлъ на генеральной репетиціи огромный успѣхъ.

Послѣднее дѣйствіе, къ сожалѣнію, охладило впечатлѣніе этой сцены. Тереза сдѣлалась любовницей Шармье, но только на одну ночь. Ея гордая натура не хочетъ склониться ни предъ чьей волей; она не хочетъ быть покинутой, плакать, терзаться. Поэтому она уѣзжаетъ, возвращая Сюзаннѣ ея любовника.

Третье дѣйствіе значительно ослабило странный, оригинальный характеръ Терезы. Совершенно непонятно, какимъ образомъ эта властная, сильная женщина уступаетъ безъ боя то, что ею завоевано. Главную роль Терезы играла г-жа Меваръ — играла художественно, великолѣпно; ни одной форсированной интонаціи; каждое слово обдуманно; каждый жестъ соответствуетъ данному положенію; и при этомъ сколько простоты и красоты. Жемане игралъ эпизодическую роль нѣкоего Гунуаеса, влюбленнаго въ Терезу, и былъ, какъ всегда, великолѣпенъ.

Новый спектакль также въ театрѣ Пале-Рояль, гдѣ поставили водевилъ Керуля и Барра „L'Éprouvée“. Авторы взяли развить слѣдующую довольно сложную задачу: какимъ образомъ соединить въ квартирѣ знаменитой кокотки Ольги де-Брандербургъ слѣдующія лица: 1) Фердинанда Дюбуа — крупнаго коммерсанта изъ Бордо; 2) Кошетту Дюбуа, законную супругу предыдущаго; 3) специалиста по горлонымъ болѣзнямъ доктора Томереля; 4) очаровательную Жиллиберту — супругу вышеозначеннаго доктора; 5) Гастона — племянника того же доктора; 6) нѣкоего Туэна, считающагося репетиторомъ вышеупомянутаго Гастона, но въ дѣйствительности являющагося шофферомъ; 7) сіамскаго принца...

И еще десятокъ лицъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго. Для такихъ опытныхъ водевилистовъ, какъ Керуль и Барра, — это можетъ быть очень легко; но мнѣ, признаюсь, очень трудно послѣдовательно рассказать всѣ подробности этого водевиля, имѣвшаго огромный успѣхъ, несмотря на отсутствіе дамъ въ розовыхъ рубашкахъ и мужиковъ въ голубыхъ калсонахъ.

Но самымъ крупнымъ событіемъ истекшей недѣли является представленію драматической передѣлки „Крейцеровой Сوناتы“. Авторами этой передѣлки являются Нозьеръ и Савуаръ.

Первый — очевь извѣстный драматическій критикъ и журналистъ. Нѣкоторые его пьесы имѣли успѣхъ; такова послѣдняя его пьеса, шедшая въ театрѣ „Водевиль“ „La Maison de

Владикавказъ.

Труппа З. А. Малиновской.

В. С. Чарова.

Danse“, о которой намъ уже приходилось говорить на страницахъ „Рампы“.

Савуаръ — это литературный псевдонимъ. Онъ русский; настоящая его фамилія Познанскій; это сынъ извѣстнаго лодзинскаго фабриканта. Познанскій совсѣмъ молодой человекъ; ему нѣтъ еще и 25-ти лѣтъ.

Въ Парижѣ онъ пріѣхалъ четыре года тому назадъ и привезъ съ собою написанную имъ драму въ 1-мъ д. „En Match-sourire“ — потрясающій эпизодъ пѣз русско-японской войны.

Пьеса была принята къ постановкѣ въ театрѣ „Bouffes-Parisiennes“, декорации были заказаны, но за нѣсколько дней до представленія цензура запретила по дипломатическимъ соображеніямъ.

Первой пьесой его, поставленной въ театрѣ Oeuvre, является драма „Le troisième couvert“ — произведение странное, болѣзненное, но свидѣтельствующее о крупномъ драматическомъ темпераментѣ. Слѣдующая драма была написана имъ въ сотрудничествѣ съ Нозьеромъ — „Le Variéme“. Это уже законченное художественное произведение; пьеса имѣла очень большой успѣхъ. „Крейцера Соната“ не совсѣмъ *предѣлка* Толстого.

Авторы только вдохновились знаменитымъ романомъ, заимствовали его фабулу и изъ этой фабулы создали самостоятельное очень сильное драматическое произведение. Чтобы показать, до какой степени они удалились отъ гениальнаго произведенія Толстого, достаточно отмѣтить тотъ фактъ, что они совершенно почти не затронули полового вопроса, составляющаго главный сюжетъ „Крейцеровой Сوناتы“; они занялись, главнымъ образомъ, подробнымъ анализомъ развитія чувства ревности. Ихъ произведение подходит скорѣе къ „Отелло“, чѣмъ къ „Крейцеровой Сонатѣ“. Героя ихъ называютъ Позднышевъ, Трухачевскій и т. д.; по это не герои Толстого, а герои Нозьера и Савуара. Я отнюдь не думаю этимъ иронизировать, такъ какъ въ томъ видѣ, какъ она представлена, пьеса Нозьера и Савуара чрезвычайно интересный психологическій этюдъ.

Нозьеръ самъ сказалъ въ одномъ интервью, что онъ хотѣлъ показать, между прочимъ, что такъ называемыя преступленія отъ страсти являются отнюдь не предумышленными, а наоборотъ, что большею частью они совершаются съ заранее обдуманнымъ намѣреніемъ. И дѣйствительно, Позднышевъ въ драмѣ задумываетъ убійство своей жены чуть не съ перваго дѣйствія, сейчасъ же по возвращеніи изъ свадебнаго путешествія.

Трухачевскаго авторы почему-то выставили совершенной карикатурой, идіотомъ. Они этимъ какъ хотѣли подчеркнуть чисто животное влеченіе къ нему жены Позднышева. Они совершенно также не коснулись въ своей пьесѣ вопроса о вліяніи музыки на половыя отношенія. Поэтому названіе пьесы „Крейцера Соната“ въ сущности не имѣетъ смысла, и правильнѣе было бы назвать ее, какъ они первоначально и хотѣли, „Виртуозъ“. Превосходенъ послѣдній актъ.

Сцена убійства, когда Позднышевъ подзываетъ жену для поцѣлуя и души въ нее, произвола потрясающее впечатлѣніе; и надо отдать справедливость актеру, играющему роль Позднышева — Arguillière, онъ справился съ пей мастерски.

В. А. Бинштокъ.

Письма изъ Казаки.

II.

Изъ событій нашей театальной жизни за послѣднее время самымъ важнымъ, конечно, было чествованіе памяти Чехова. Первый шагъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ Интимнымъ театромъ.

17-го января здѣсь устроили Чеховскій вечеръ. Передъ спектаклемъ было прочитано стихотвореніе, посвященное памяти писателя, затѣмъ были поставлены пьесы: „Предложеніе“, „Калхасъ“ и, наконецъ, „Мишiатюры въ прозѣ“. Особенно удачно сошло „Предложеніе“, гдѣ бурю восторговъ вызвала, дѣйствительно, хорошая игра г. Табенцкаго. Изъ остальныхъ исполнителей успѣхъ имѣлъ г. Марковскій („Калхасъ“) и гг. Тимиревъ и Шумскій („Хирургія“). Вечеръ, въ общемъ, сошелъ очень симпатично и оживленно.

Городской театр чествовалъ Чехова „Ивановымъ“. Преподаватель мѣстной гимназіи г. Александровъ прочелъ рефератъ о Чеховѣ, на сценѣ былъ поставленъ большой портретъ писателя, читалось стихотвореніе. Настроеніе испортила только самая постановка пьесы. Роли были распределены до-нельзя странно. Г. Каширинъ оказался слишкомъ старымъ Ивановымъ. Онъ почти совсѣмъ лишился голоса, говорить чуть не шопотомъ и въ этой отвѣтственной роли его долженъ былъ бы на этотъ разъ замѣнить г. Шорштейнъ. Г-жа Вейманъ была слишкомъ „здоровой“ Саррой. Эту роль слѣдовало бы отдать г-жѣ Саблиной - Дольской, а г-жа Вейманъ была бы болѣе подходящей вдовушкой. Кто безусловно былъ хорошъ тутъ—такъ это двое: г. Бороздинъ, выдержанный съ начала до конца, стильный и тонкій Шабельскій, и въ особенности г. Колобовъ, удивительно ярко и талантливо изображавшій Лебедева. Это артист съ большимъ будущимъ.

Конецъ „Иванова“ былъ поставленъ не по Чехову (по крайней мѣрѣ, по его печатнымъ изданіямъ). Здѣсь Ивановъ-Каширинъ не стрѣляется, а умираетъ отъ разрыва сердца послѣ брошеннаго ему докторомъ „подлеца“. Кто является авторомъ такой передѣлки — не знаю. Но если даже допустить, что такой конецъ правдивѣе и естественнѣе, то все же врядъ ли можно касаться Чехова и переназначать то, что вышло изъ-подъ его пера. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, не приходилось видѣть „Иванова“ въ такомъ изданіи.

И, наконецъ, чеховскаго „Дядю Ваню“ поставила и драматическая труппа Новаго клуба, руководимая г. Дымовымъ.

Словомъ, вся театральная Казань склонила свою голову передъ памятью великаго писателя.

Пошли у насъ бенефисы. Г. Шорштейнъ поставилъ въ свой бенефисъ „Гамлета“. Онъ оказался мало интереснымъ Гамлетомъ и не далъ въ этой роли ничего такого, что бы могло обратить вниманіе. Холодно произносилъ онъ стихи, холодомъ вѣяло со сцены.

Поставленная въ бенефисъ г-жи Саблиной - Дольской „Свѣтлая личность“ не имѣла никакого успѣха. Не блещущая особенно большими достоинствами, можетъ быть и интересная въ столицѣ, какъ картина нравовъ и фотографія живыхъ и знакомыхъ типовъ, здѣсь она была поставлена въ такихъ однообразныхъ, тягучихъ тонахъ, такъ скучно и неинтересно, что досидѣть до конца спектакля было дѣломъ труднымъ. Такъ же неудачно прошелъ субатовскій „Закатъ“, поставленный г-жей Яблочкиной въ день ея артистическихъ именинъ. Наконецъ „Плоды просвѣщенія“ (бенефисъ главнаго режиссера г. Александрова), какъ и тихоновскій „Байбакъ“ (бенефисъ г. Каширина) положительно заставляють предполагать, что бенефисы въ Казани даются въ наказаніе за грѣхи артистовъ, и что публикѣ слѣдуетъ воздержаться отъ бенефисныхъ спектаклей. „Плоды просвѣщенія“, напримѣръ, не дали въ постановкѣ Городскаго театра и даже того, что даетъ эта великая пьеса хотя бы въ чтеніи. И это несмотря на то, что въ пьесѣ были заняты лучшія силы труппы, и что г. Бороздинъ художественно сыгралъ третьяго мужика, что г. Лаврова-Орловскій въ роли отца былъ прекрасенъ и т. д., и т. д. Г. Кручининъ, очевидно, забываетъ, что Казань требуетъ не такого отношенія къ дѣлу, и что при этихъ постановкахъ далеко не уйдешь. Онъ прямо не ту мѣрку прикинулъ къ казанскому театру—и въ проигрышъ останется прежде всего самъ г. Кручининъ. Декораціи стары и безвкусны, пьесы идутъ новья буквально каждый день (а по праздникамъ даже два раза въ день), артисты работаютъ въ потъ лица, сизифовъ труд несетъ надрывающійся суфлеръ. Мало ставить пьесы,—надо ихъ хорошо ставить.

А въ итогъ — дѣла, очевидно, не блестящи, и полный залъ здѣсь—явленіе далеко не частое.

Изъ артистокъ большіе успѣхи сдѣлала г-жа Арсеньева. Она оказалась и очень хорошею комедійной актрисой, живой, веселой и интересной. Симпатіи къ ней публики растутъ съ каждымъ днемъ. Главное—видна работа и громадная любовь къ искусству. Г-жа Софья Чаруская обратила на себя вниманіе прекраснымъ исполненіемъ „М-те Санъ-Женъ“ и „Заза“. Изъ мужчинъ хотѣлось бы еще обратить вниманіе на г. Са-

шина, г. Лаврова - Орловскаго, Орлова - Костѣка и г. Корсакова. Совсѣмъ слабъ второй любовникъ г. Нѣмовскій, которому не по заслугамъ поручаются отвѣтственные роли.

Администрація общааетъ нѣсколько интересныхъ классическихкихъ постановокъ. Особенно много работаютъ надъ „Макбетомъ“, режиссерство котораго дано г. Мартову.

Левъ Левицовъ.

Провинція.

Варшава. Общество литераторовъ и журналистовъ рѣшило поставить въ Варшавѣ пьесу Ростана „Шантеклеръ“. 4 марта пьеса исполнена будетъ лучшими артистическими силами варшавскихъ театровъ въ Филармоніи. Уже приготовляются костюмы и декораціи по парижскимъ образцамъ. Главную роль исполнитъ извѣстный артист Михаилъ Тарасевичъ.

Воронежъ. (Отъ собственнаго корреспондента.) 16 февраля въ зимнемъ городскомъ театрѣ состоялся бенефисъ перваго артиста нашей труппы г. Петрова-Краевскаго. Въ первый разъ была поставлена въ Воронежѣ пьеса Шиллера „Заговоръ Фіеско въ Генуѣ“, разрѣшенная для постановки на нашей сценѣ, благодаря ходатайству бенефицианта. Роль Фіеско съ большимъ успѣхомъ исполнилъ г. Петровъ-Краевскій. Кромѣ того онъ щегольнулъ и прекраснымъ костюмомъ. Остальные артисты исполнили свои роли посредственно.

18 февраля артистами зимняго городскаго театра въ трапезной церкви Воронежскаго Митрофанова монастыря была отслужена по артисткѣ В. Ф. Коммиссаржевской заупокойная панхида.

Артистка нашего зимняго театра О. С. Волоконская, какъ слышно, принята на Александринскую сцену.

Антрепренеръ зимняго городскаго театра А. Л. Миролубовъ въ свой бенефисъ ставитъ „Снѣгурочку“ для которой пишутся новыя декораціи и шьются новыя костюмы.

Сезонъ 1910/11 г. зимній городскаго театра будетъ держать С. П. Кобзарь, для чего составляетъ прекрасную труппу. Имъ уже приглашены г-жа Кражева и г. Стронтелевъ.

В. П. Родъ—хъ.

Н.-Новгородъ. Выясняется понемногу составъ будущаго сезона; приглашены гг. Дементьевъ, Орскій, Людвиговъ, г-жи Стопорина, Миличъ. Г. Тугановъ и г-жа Огинская кончили въ Ригу къ Михайловскому; г. Олигинъ подписалъ контрактъ въ Ростовъ-на-Дону. Г. Стронтелевъ въ Воронежѣ.

Одесса. М. Ф. Багровъ покончилъ на будущій сезонъ съ г-жей Смагиной (gr. coquette), такъ обр. женскій составъ вполнѣ сформированъ: г-жи Ласхалова, Смагина, Жвирблисъ, Кузнецова, Мельникова, Соколовская, Лисенко, Звѣрева, Лаврова и др.

— На-дняхъ пріѣзжаетъ въ Одессу г. Кастеллано для пригтовленія къ великопостному сезону итальянской оперы, а также для окончательнаго выясненія вопроса о будущемъ сезонѣ.

Валюградъ. Въ театральномъ отношеніи намъ совсѣмъ не везетъ. Постоянной труппы совсѣмъ нѣтъ, да и негдѣ ей пріютиться. Пробавляемся любительскими спектаклями и спектаклями заѣзжихъ артистовъ.

Режиссеръ труппы Юматова, г. Болотинъ, открылъ въ аудиторіи рядъ общедоступныхъ спектаклей. Скромныя силы этой труппы завоевали симпатіи мѣстной публики и спектакли посѣщаются охотно.

Самара. Режиссеръ И. А. Ростовцевъ приглашенъ на будущую зиму главнымъ режиссеромъ въ г. Самару, въ антрепризу А. Полонскаго.

Саратовъ. Репертуаръ послѣднихъ дней сезона былъ составленъ такъ: въ понедѣльникъ 22-го февраля — „Мадамъ Санъ-Женъ“ съ г-жей Моравской въ заглавной роли; во вторникъ, въ бенефисъ г. Котца — „Мѣщанинъ въ дворянствѣ“ Мольтера и балетъ; въ среду — въ бенефисъ П. П. Струйскаго — „Варвары“ Горькаго; въ четвергъ утромъ повтореніе Чеховскаго спектакля; вечеромъ, въ бенефисъ В. Н. Ильнарской — „Комедія брака“ Юшкевича; въ пятницу утромъ — „Царь Фодоръ“, вечеромъ — „Анфиса“ Леонида Андреева; въ субботу утромъ — „Цезарь и Клеопатра“, вечеромъ, въ бенефисъ М. А. Моравской — „Балерина“; въ воскресенье 28-го февраля утромъ — „Анна Каренина“, вечеромъ — спектакль съ участіемъ всей труппы.

Симбирскъ. (Отъ нашего корреспондента.) Только что (15 февраля) закончили гастроль небезызвѣстной петербургской артистки О. В. Некрасовой - Колчинской, уѣхавшей отсюда, также на гастроль, въ Астрахань.

Состоялись, при хорошем художественном успѣхѣ четыре гастрольныхъ спектакля: „Фрина“, „Заза“, „Дама съ камелиями“ и „Нана“ — съ гастролершей въ заглавныхъ роляхъ.

Въ художественномъ отношеніи самымъ удачнымъ спектаклемъ была постановка „Дамы съ камелиями“.

Великій постъ и Пасху намъ предстоитъ слушать оперу антрепризы „Симбирскаго музыкально — драматическаго кружка“, выступающаго въ этой своей роли уже не первый годъ.

Контрактъ съ театромъ заключенъ; заключены контракты и съ персонажами будущей труппы.

Составъ ея таковъ: Э. Н. Старостина (колорат. сопрано), поющая сейчасъ въ московскомъ народномъ домѣ; Н. В. Талина (лирическ. сопрано), пѣвшая у насъ съ большимъ успѣхомъ въ прошломъ году въ антрепризѣ Шигаевой; А. А. Григорьева (драматич. сопрано), окончившая курсы Донского; Э. Б. Ратмирова (меццо-сопрано); знакомая симбирскому по прошлому сезону М. А. Якса (меццо-сопрано) и провинціальная пѣвица Н. И. Кирсанова (меццо-сопрано).

Среди мужчинъ налицо два знакомыхъ пѣвца: лирическ. теноръ Р. С. Саяновъ и басъ-кантанта Г. Т. Шаповаловъ. Остальные: И. П. Ахматовъ (драматическ. теноръ), Н. Н. Бѣляевъ (теноръ), Д. М. Ярославскій (драмат. теноръ), К. А. Ордацовъ (меццо-каратеръ), пѣвшій въ 1909 г. въ Москвѣ, В. Г. Брюннеръ и В. А. Воиновъ (вторые басы).

[Ник. Гладновъ.]

Саратовъ. Составъ труппы Саратовскаго городского театра на 1910 — 1911 г. Антреприза П. П. Струйскаго, г-жи Марчевская, Рутковская, Сергѣева, Матрозова и г.г. Нароковъ, Маликовъ, Велижевъ, Боринъ. Глав. режиссеромъ остается В. К. Висковскій.

Таганрогъ. Репертуаръ послѣдней недѣли заканчивающагося театральнаго сезона былъ составленъ особенно интересно. Во вторникъ состоялся бенефисъ А. В. Дарьяль, пользовавшейся въ теченіе всего сезона симпатіями публики. Поставлена пьеса Персіяниновой „Пустоцвѣтъ“. Въ среду по общедоступнымъ цѣнамъ повторяли „Ивановъ“ А. П.

Чехова съ участіемъ г. Дарьяль и Булатова. Въ четвергъ — бенефисъ г. Булатова, заслуги котораго какъ артиста и особенно антрепренера, вызвавшего у мѣстнаго населенія небывалый до сего интересъ къ театру, — очень велики. Поставлена была пьеса Немировича-Данченко „Новое дѣло“.

Харьковъ. Постомъ пойдетъ въ оперномъ театрѣ „Валкирія“, которую теперь дѣятельно разучиваютъ. Главные исполнители г-жи Асланова и Окунева, г.г. Энгель-Кронъ и Лазаревъ, дирижеръ Штейнбергъ. Заказаны декорации художнику Суворову. Костюмы готовятся по рисункамъ мюнхенской оперы. Оркестръ будетъ доведенъ до 50-ти человекъ.

Харьковъ. На постъ харьковскій драматическій театръ снялъ А. А. Мурскій, подъ управленіемъ котораго и будетъ играть труппа, составленная изъ артистовъ обоихъ драматическихъ театровъ.

Въ составъ труппы входятъ: г-жи Пасхалова, Астрова, Жвирблисъ; г.г. Мурскій, Орловъ-Чужбининъ и др. Администраторомъ состоитъ г. Надеждинъ (не харьковскій).

Харьковъ. Бенефисъ Л. П. Штейнберга выдавался своими ованіями по адресу этого талантливаго и энергичнаго руководителя нашей оперы. Театръ былъ почти полонъ. Спектакль шелъ по возвышеннымъ цѣнамъ. Появленіе г. Штейнберга въ оркестрѣ было пріветствовано шумными, продолжительными аплодисментами публики и тушемъ оркестра. Аплодисменты и тушь то затихали, то начинались. Увертюра изъ „Тангейзера“ была покрыта новыми аплодисментами. Чествованіе происходило послѣ втораго дѣйствія „Тангейзера“ на сценѣ. Бенефициантъ былъ предметомъ восторженныхъ ованій. Цвѣты, подарки длинной вереницей поднесены ему при шумѣ и тушахъ. Между прочимъ, съ верхнихъ ложъ на сцену были пущены два голубя. Опера прошла съ полнымъ успѣхомъ. Имѣли большой успѣхъ г-жа Окунева и г.г. Лазаревъ, Долининъ и Зелинскій.

Редакторъ-Издатель Л. Г. Мунштейнъ (Lolo).

ИСТЫЕ ЗНАТОКИ И ЦѢНИТЕЛИ ПРЕДПОЧИТАЮТЪ	ИРРУА	— Сладкое	— ИРРУА-КАПРИЗЪ,	— DEMI-SEC	IRROY	ШАМПАНСКОЕ ПРИЗНАННОЕ НАИЛУЧШИМЪ
		— Средней слад.	— ИРРУА-ГРАНЪ ГАЛА,	— SEC,		
		— Мало сладкое	— ИРРУА-АМЕРИКЕНЪ,	— SEC, EXTRA		
		— Безъ сладости	— ИРРУА-БРЮТЪ,	— TRÈS SEC		

НА
1910
ГОДЪ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный театральнй богато иллюстрированный журналъ

НА
1910
ГОДЪ

подъ редакціей

„РАМПА и ЖИЗНЬ“

Л. Г. Мунштейна
(Lolo).

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

ЖРЕЦЫ и ЖРИЦЫ ИСКУССТВА

(словарь сценическихъ дѣятелей) въ стихахъ LOLO, съ портретами и шаржами *Andr'a*, Н. Малютина, Д. Мельникова и друг. Самая широкая освѣдожденность. ❖ Спикки и зарпески всѣхъ интересныхъ постановокъ иностранныхъ и русскихъ сценъ. ❖ Эскизы для грима и декораций. ❖ Портреты сценяч. дѣятелей. ❖ Спец. фотографіи всѣхъ новпнокъ Художественнаго театра. ❖ Карикатуры на театральныя злобы дня.

ОБШИРНЫЙ! ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

52 большихъ портрета (на обложкѣ) артистовъ, псателей, композиторовъ и художниковъ, болѣе 1000 спикковъ, зарпесокъ, шаржей, карикатуръ и проч. **52**

Собственные корреспонденты (во) всѣхъ западно европейскихъ театральныхъ центрахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылк.: годъ—6 руб., полгода—3 р. 50 к., 3 мѣс.—1 р. 75 к., 1 мѣс.—60 к.; за границу — вдвое. Объявленія впереді текота 75 коп., позади 50 коп. строка псатьи.

Главная контора журнала: Москва, Бронная Больш. Коопзпнскій пер., д. Мясникова. Тел. 258-25.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ также у Н. П. Печковой (Петропскія линіи), въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Н. О. Вольфа и др. ❖ Розничная продажа журнала „РАМПА и ЖИЗНЬ“, кромѣ Москвы, производится: въ Петербургѣ.—Левскій, пассажъ, газетный кіоскъ; въ Одессѣ—кіоски Альтшулера; въ Кіевѣ—книжн. маг. Л. Пизиковскаго; въ Саратовѣ—книжн. маг. Суворина; въ Твери—кіоскъ Коротѣва; въ Мазани—у С. П. Коломенскаго и въ маг. „Восточная Дѣра“; въ Елисаветградѣ—у Д. Закаса; въ Пятигорскѣ—у А. И. Чайкина; въ Черкасахъ—у Х. Склопскаго; въ Смоленскѣ—книжн. маг. Лобкина; въ Симбирскѣ—у Гладкова; въ Елисаветградѣ—книжн. кіоскъ; въ Владивостокѣ—газетн. аген. „Польза“; въ Житомирѣ—театр. библ. Ваксера; въ Нижнемъ-Новгородѣ—муз. маг. „Аккордъ“.

Ашантка (*Дочь улицы*), комедія въ 3 д. Ц. 2 р. Арсенъ Люпенъ и Шерлокъ Холмсъ, пьеса въ 5 д. и 7 к. пер. съ фр. Ц. 2 р. Безпечальное житіе, ком. въ 3 д. (репертуаръ театра Корша.) Ц. 2 р. Бѣлые вороны (*Хищники*), пьеса въ 5 д. А. Вершинина. Ц. 2 р. Вожди, эпизоды въ 5 д. кн. Сумбатова. Ц. 2 р. Вѣчный праздникъ, ком. въ 3 д. Lolo (Л. Г. Мунштейна.) Ц. 1 р. 50 к. Дѣти XX вѣка, пьеса въ 4 д. А. Смурскаго (репертуаръ театра Корша.) Ц. 2 р. Женщина-адвокатъ, ком. въ 3 д. (репертуаръ театра Корша.) Ц. 2 р. Золотая свобода, ком. въ 3 д., пер. Громаковской съ нѣмец. Ц. 2 р. Израиль, пьеса въ 3 д. Бернштейна. Ц. 2 р. Клятва гроба, др. въ 4 д. Лисенко-Коньчъ. Ц. 2 р. Король воровъ (*Послѣдн. приключ. Шерлока Холмса*), пьеса въ 5 д. П. де-Курсель. Ц. 2 р. Клубъ самоубійцевъ (*Тузъ пикъ*), драма въ 2 картинахъ, пер. Э. Э. Матерна. Ц. 75 к. Крошка Дорритъ, пьеса въ 3 д., пер. Э. Э. Матерна. Ц. 60 к. Красный фонарь, др. въ 3 д. Бѣлой. Ц. 2 р. Крупная ставка, др. въ 3 д. Дидринга. Ц. 2 р. Милліоны, ком. въ 4 д. Ц. 2 р. Оксана Зозуля, ком. въ 3 д. Федоровича. Ц. 2 р. Обрывъ, др. въ 5 д. по ром. Гончарова. Ц. 2 р. Освобожденные рабы, ком. въ 3 д. Ц. 2 р. Ровно въ полночь, фарсъ въ 3 д. Сабурова. Ц. 2 р. Очагъ, пьеса въ 3 д. Ок. Мирбо. Ц. 2 р. Сторожевые огни, ком. въ 4 д. С. Разумовскаго. Ц. 1 р. Сняя мышь, ком. фарсъ, въ 3 д., пер. Э. Э. Матерна. Ц. 1 р. 50 к. Приключенія Арсена Люпена, пьеса въ 4 д. Ц. 2 р. Причуды сердца, ком. въ 4 д. Л. Фульда, пер. Lolo (Л. Г. Мунштейна.) Ц. 1 р. Подстрѣленная птица, ком. въ 4 д. А. Капюса. Ц. 2 р. Поцѣлуй луды, пьеса въ 4 д. С. Бѣлой. Ц. 2 р. Путь любви, 5 одноактн. пьесъ-Иваньшина. Ц. 75 к. Рецензентъ, пародія-шутка въ 1 д., А. Пазухина (репертуаръ Кабарэ.) Ц. 30 к. Росмунда, гротескная трагедія (репертуаръ Кабарэ.) Ц. 15 к. Разводъ, др. въ 4 д. И. Тенрома. Ц. 1 р. Чортъ (*Дьяволъ*), ком. въ 3 д. Моль нара. Ц. 2 р. Шалости молodoженовъ, фарсъ въ 3 д. Сабурова. Ц. 2 р. Шестая держава (*Газетный міръ*) пьеса въ 3 д. Ж. Турнера. Ц. 2 р. Шуты, ком. въ 4 д. Замакоиса, пер. Lolo. Ц. 1 р. Тропическій женихъ, шутка въ 1 д. Л. Фульда, пер. Lolo (Л. Г. Мунштейна.) Ц. 50 к. Я такъ хочу, (*Мистрисъ Доттъ*), ком. въ 3 д. (репертуаръ театра Корша.) Ц. 2 р. Семь вороновъ, волш. сказка въ 4 д. съ нѣмец. М. В. Шевлякова (для утр. спек.). Шалости пажа, ком. шутка въ 4 д. (для дѣтск. утр. спектаклей).

На аккуратность высылки пьесъ
обращено особое вниманіе.

Только что вышла новая пьеса

„Главная роль“.

Пьеса въ 3 д. Соч. М. Вропписера, пер. съ рукописи Э. Э. Матерна. Наданіе С. О. Разсохина. Роль: мужск. — 3, женск. — 3. Остальные второстепенныя. Декорацин — компаты. Пьеса очень удобна для турне. Пьеса идетъ съ крупнымъ успѣхомъ въ Вѣнѣ.

можно получать въ конторѣ
„Рампа и Жизнь“.

К І Е В Ъ

СЪ ПАСХИ (19 апрѣля) 1910 г. СВОБОДЕНЪ и СДАЕТСЯ
для гастролей, концертовъ и т. п.

Театръ „СОЛОВЦОВЪ“ Театръ

За свѣдѣніями обращаться въ контору театра.

ТЕАТЪ
К. Н. НЕЗЛОБИНА
(Бывшій Новый театр).

Въ субботу, 27-го февраля, утромъ въ 15-й разъ:
Шлюкъ и Яу. Вечеромъ въ 5-й разъ: 1) Побѣда
смерти. 2) Сонъ осенняго вечера. Въ воскресенье,
28-го февраля, утромъ Анфиса. Вечеромъ въ
50-й разъ: Эросъ и Психея. Въ понедѣльникъ,
8-го марта, въ 21-й разъ: Анфиса. Во вторникъ,
9-го марта, въ 22-й разъ: Анфиса. Въ среду,
10-го марта, въ 36-й разъ: Ню. Въ четвергъ,
11-го марта, въ 23-й разъ: Анфиса. Въ пятницу,
12-го марта, въ 51-й разъ: Эросъ и Психея. Въ
субботу, 13-го марта, въ 24-й разъ: Анфиса.

Нач. въ 8 ч. веч. Администраторъ С. И. Г...

Театръ „БУФФЪ“

Дирекція А. Э. Блюменталь-Тамарина.

Въ субботу 27 февраля утромъ:

ВЕСЕЛАЯ ВДОВА.

Вечеромъ ШАЛУНЯ и ЦЫГАНКА ДОМАША.

28-го утр. Въ волнахъ страстей. Веч. Шалунья.

Режиссеръ Н. Ф. Бутлеръ.

КЛИШЕ

ТИПОГРАФСКІЯ ДЛЯ ПЕЧАТИ
ХУДОЖЕСТВЕННО И СКОРО
ИСПОЛНЯЕТ ЦИМКОГРАФІЯ
И. С. БЛОКОВ

ТЕЛЕФ 109-71.

ТВЕРСКАЯ, ГАЗЕТНЫЙ Д № 7

ДЛЯ ТЕАТРА КАБАРЭ

ПЬЕСЫ Б. Д. ФЛИТА „НЕЗНАКОМЦА“.

1) „АНАТЭМА“. Пародія въ 1 актѣ. 2) „СЕМЕЙКА“. Шаржъ въ 1 бездѣйствіи. (Репертуаръ одесскаго кабара „Би-ба-бо“). 3) „ТО БЫЛО РАННЕЮ ВЕСНОЮ“. Шаржъ въ 1 дѣйствіи. 4) „КОМЕДІЯ БРАНА“. Пародія въ 1 дѣйствіи. (Репертуаръ „Би-ба-бо“.) Цензурованные экземпляры можно получать у автора:

ОДЕССА. Ред. „Од. Нов.“ Б. Д. ФЛИТУ.